

[ДЕ:КОНСТРУКТОР]

**ТЕРРА
ИНКОГНИТА**

Виктор Молотов
Александр Лиманский

Виктор Молотов
[де:КОНСТРУКТОР]
Терра Инкогнита

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

[де:КОНСТРУКТОР] Terra Инкогнита / В. Молотов — «Автор»,
«Автор», 2026

Сапёр ошибается дважды в жизни. При выборе профессии и когда решает, что слишком стар для ещё одной войны. Тридцать лет провёл в армии. Мосты, растяжки, фугасы — я всегда знал, куда бить, чтобы конструкция сложилась. Теперь моё тело в стазисе на Земле, а сознание — в Аватаре на планете в другом мире, где динозавры так и не вымерли. Вместо базы меня выбросило на свалку. Причём я оказался там голый и без оружия. В нагрузку дали ИИ-помощницу, которая язвит чаще, чем помогает. Мой сын пропал на базе «Восток-5», и корпорация умыла руки. А я должен его найти! Вот только сначала справлюсь с раптором. Который уже просунул башку в мою капсулу и смотрит на меня, как на завтрак!

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Молотов, Александр Лиманский [де:КОНСТРУКТОР] Терра Инкогнита

Глава 1

Москва, 2076 год.

— Это билет в один конец. Шансов выжить практически нет. Вы это вообще понимаете?
— спросил меня молодой кадровик.

— Понимаю, — спокойно кивнул ему я.

Люблю я запах бюрократии по утрам. Он всегда отдаёт тихим, вежливым равнодушием, которое прямо говорит: «Вы для нас — строчка в базе данных. Не более того».

Вербовочный центр корпорации «РосКосмоНедра» располагался в здании бывшего НИИ — между Капотней и промзоной, в том сером поясе Москвы, куда приличные люди не заезжают без крайней нужды.

Вокруг меня были серые стены с потёками от протечек. Линолеум здесь когда-то был зелёным, а теперь стал неопределённо-болотного цвета. Гул кондиционера слышался под потолком, который не столько охлаждал воздух, сколько создавал иллюзию деятельности.

А на стене висел плакат.

На котором был изображён улыбающийся мужик в футуристическом скафандре. Белые зубы, уверенный взгляд, за спиной — силуэты гигантских деревьев и что-то похожее на динозавра, но нарисованное так, чтобы не пугать.

«ТЕРРА-ПРАЙМ ЖДЁТ ГЕРОЕВ!» — гласила надпись.

Судя по качеству печати и выцветшим краям, ждала она их ещё до Великого Кризиса.

Я сидел на металлическом стуле, который скрипел при каждом движении. Напротив расположились стол, монитор, клавиатура с затёртыми клавишами. И этот кадровик.

Парню было лет двадцать пять, может, чуть больше. Костюм явно с чужого плеча, поскольку рукава коротковаты, да плечи топорщатся. Галстук завязан кое-как, узел съехал влево. А взгляд гласил о том, что этот человек сидит здесь давно и уже перестал видеть в посетителях людей.

Он смотрел в монитор так, будто там показывали что-то интереснее моего личного дела.

Хотя, если честно, там наверняка и показывали. Может, курс акций «РосКосмоНедра». С их капитализацией можно было вербовочный пункт в более приличном здании организовать.

Хотя так оно, скорее всего, и было. Когда набирали основные составы, небось принимали в зеркальных небоскребах. А здесь же... Здесь набирают смертников.

— Корсак Роман Андреевич, — констатировал кадровик. Строчка в его базе данных наконец ожила в кресле напротив. — Пятьдесят пять лет. Бывший военный. Инженерно-сапёрная специальность.

— Действующий, — поправил я.

Он оторвался от монитора. Впервые за три минуты.

— Что?

— Не бывший. Я в запасе. Есть разница.

Он посмотрел на меня. Так быстро, как кассирша в «Пятерочке», оценивая можно ли водку продавать. Скользнул взглядом по седине. А её у меня хватало, ещё с Сирии. По шрамам на руках, которые я уже не прятал, какой смысл. По тому, как я сидел: спина прямая, руки на коленях, ноги чуть расставлены для устойчивости.

Он ничего не понял. Да и не пытался понять.

— Угу, — сказал он и снова уткнулся в монитор. — Вы понимаете, — кадровик заговорил снова, читая с экрана, — что вероятность летального исхода крайне высока?

— Понимаю.

— Вероятность успешного возврата сознания в исходное тело при экстренном разрыве канала — менее пяти процентов.

Это значило, что если мой Аватар падет смертью храбрых, у меня есть лишь пять процентов, на успешное возвращение в собственное тело. По факту — умираешь в Аватаре, умираешь и здесь.

— Понимаю, — кивнул я.

— При штатном отключении шанс вернуться — около восьмидесяти пяти. Остальные пятнадцать — риск когнитивных нарушений различной степени тяжести.

Тут все было проще. Штатное отключение — это когда тебя возвращают из Аватара в наш мир обратно. И тут тоже есть риски.

— Вплоть до полной утраты высших психических функций, — закончил он.

— Я стану овощем, — перевёл я на человеческий.

— Да, овощем, — моргнул он. — Вы точно понимаете, что подписываете?

Я прекрасно понимал.

А еще знал, что он озвучивает статистику для регулярных боевых подразделений. Нагло врет мне прямо в глаза.

Там, куда попаду я, восемнадцать процентов умирает на первой высадке. Это значит, что каждый пятый не доживает до заката первого дня.

Весёлые цифры. Хотя бывало, что видел и хуже.

— Где подписывать? — уверенно спросил я.

Кадровик некоторое время помолчал. Видимо, я сбил его со скрипта. У него там наверняка была целая ветка диалога: «если клиент нервничает», «если клиент задаёт вопросы», «если клиент плачет». А вот ветки «если клиенту похер» — не было.

— Вам не положен стандартный период ожидания, — сказал он, листая что-то на экране. Пальцы двигались машинально, он явно делал это тысячу раз. — Очередь на инженерные позиции в обустроенных секторах от шести месяцев. Охрана периметра, техническое обслуживание, операторы тяжёлой техники — всё занято.

Он посмотрел на меня поверх монитора и добавил:

— Или зарезервировано.

Зарезервировано. Хм, хорошее слово. Бюрократический эвфемизм для «куплено».

Чей-то племянник, сынок или любовница забирают тёплые места на обустроенных базах с горячим душем, трёхразовым питанием и забором между тобой и зубастыми тварями. На полгода вперёд. На год. Навсегда.

Остальным — добро пожаловать в мясорубку.

Богатеи летали туда как на курорт, чтобы посмотреть на экзотическую фауну. Корпорации на всем стремятся заработать денег. И если туда можно продать тур, то почему нет? Весело же! Щёкочет промежность...

— Доступные позиции, — продолжил кадровик. — Штурмовой корпус «Авангард». Передовое освоение неосвоенных территорий. Зона ответственности — установление контроля, расчистка плацдармов, первичная разведка, — он сделал паузу и уточнил. — Неофициальное название — «Расходник».

— Я в курсе.

— Тогда вы понимаете, куда идёте.

Понимал. «Расходник» — это те, кого бросают первыми. Прощупать, куда можно ступить. Выяснить, что тебя сожрёт, если ступишь не туда. Желательно ценой собственной жизни, чтобы следующие знали. Шучу, конечно. Народ там на вес золота и его постоянно не хватает.

— Китайцы опять демпингуют, — вдруг сказал кадровик.

Я не сразу понял, что он обращается ко мне. Он смотрел в сторону и говорил будто сам с собой.

— Гонят дешёвые био-оболочки, сбивают цены на рынке. Их Аватары — дерьмо, разваливаются через полгода, но им плевать. У них людей, как грязи. Закинул сотню, потерял пятьдесят, остальные окупилась. Конвейер.

Он вздохнул и продолжил:

— А американцы заняли весь сектор у реки. Весь сраный сектор. Там одних железистых цератопсов на миллиарды. Эксклюзивный контракт с ООН. А мы вот... рассылаем пенсионеров на убой, — закончил он с усталостью в голосе.

— Я не пенсионер, — сказал я.

— Это вы так думаете.

Он пододвинул ко мне планшет.

— Подписывайте. Здесь, здесь и здесь. Отпечаток — вот тут. Потом идите в зал ожидания. Вас вызовут.

Я взял стилус. Поколебался секунду — не от сомнений, от привычки. Всегда читай то, что подписываешь.

Но тут читать было особо нечего. Крупным шрифтом: «Настоящим подтверждаю, что ознакомлен с рисками и принимаю их добровольно». Мелким было расписано шесть страниц юридической тарабарщины, которая сводилась к одному: «Если ты сдохнешь, мы не виноваты».

Я расписался. Размашисто, как привык — словно ставил подпись под приказом о подрыве моста.

Кадровик забрал планшет. Посмотрел на экран, нахмурился. Его пальцы зависли над клавиатурой.

— Возраст... — пробормотал он. — По регламенту — «ограниченно годен».

Он посмотрел на меня. Снова эта быстрая оценка.

— А, какая разница? — невесело усмехнулся я.

Штамп ударил по экрану.

«ГОДЕН / ОГРАНИЧЕННО».

Он посмотрел на результат. Что-то прикинул в уме. Хмыкнул.

И перечеркнул:

«ГОДЕН / АВАНГАРД».

Мясо есть мясо. Какая разница, сколько ему лет?

Зал ожидания напоминал автовокзал в провинциальном городке. Только без расписания рейсов и с худшим контингентом.

Те же металлические кресла, приваренные к полу, чтобы не украли. Тот же линолеум — здесь он был коричневым, но таким же убитым. Тот же запах... ну, не самый приятный. Запах страха исходил от людей, которые приняли решение и теперь не уверены, что оно было правильным.

Я прошёл через зал, лавируя между сумками и вытянутыми ногами. Нашёл место у стены и присел спиной к бетону, лицом к пространству. Привычка. Тридцать лет в армии оставляют такие привычки. Потом ещё тридцать уйдёт, чтобы от них избавиться.

Бросил баул под ноги и сел.

Увидел три выхода.

Главный — это двустворчатая дверь, через которую я вошёл.

Пожарный — справа, но табличка над ним погашена, и при ближайшем рассмотрении видно, что он заварен. Экономия на безопасности.

Технический находился слева, с электронным замком, рядом скучает охранник в форме «РосКосмоНедра». Молодой, скучающий, пистолет на поясе — штатный «Удав», судя по кобуре. Вряд ли знает, с какой стороны у него дуло.

Потом я осмотрел зал, не поворачивая головы. Изучал местный контингент. Периферийное зрение — ещё одна привычка.

Слева от меня находилась группа молодых ребят. Лет по двадцать, может, чуть старше. Пятеро. Одеты пёстро: кто в спортивных костюмах, кто в джинсах и футболках с принтами. Один — тощий, с модной стрижкой «полубокс» и серьгой в ухе — что-то увлечённо рассказывал остальным, размахивая руками:

— ...я тебе говорю, мой кореш там три месяца отработал — и всё! На квартиру хватило! В Москве, не в Сызрани какой-нибудь!

— Да ладно, — скептически протянул второй, крепыш в толстовке. — Три месяца? Чё он там делал, золото жрал?

— Места знать надо, — тощий многозначительно постучал пальцем по виску и обвёл взглядом приятелей. — Вы, главное, около меня держитесь. Я вам покажу чё и как.

Друзья смотрели на него с тем голодным восторгом, с каким смотрят на человека, у которого есть ответы. Придвигались ближе, ловили каждое слово, кивали в нужных местах. Для них он уже был проводником, авторитетом и билетом в красивую жизнь.

А я смотрел на остальной зал и видел совсем другую картину. Некоторые переглянулись между собой и синхронно покачали головами, как люди, которые слышали эту песню сотню раз и знают, чем она заканчивается.

Дурак ты, парень. Громко кричишь о вещах, о которых умные люди молчат даже шёпотом.

На Терра-Прайм действительно можно заработать, и заработать хорошо, это не сказки. Но на квартиру в Москве за три месяца? Официальные ставки Корпорации я знал ещё до того, как переступил порог этого здания. Хватит на приличную машину, если выживешь и отработаешь контракт до конца. На первый взнос по ипотеке, если крупно повезёт и получишь бонус за особо опасный сектор. Но никак не на квартиру целиком, да ещё и в столице.

Значит, кореш твой, дорогой ты мой сказочник, работал не только на Корпорацию. Или не совсем на неё.

Интересно было бы узнать, сколько человек из его команды вернулось домой на своих ногах. И чем они там занимались в свободное от официальных обязанностей время, что так быстро разбогатели. Вопросы, на которые я не хотел знать ответы, но догадки имелись, и все они пахивали чёрным рынком и статьями уголовного кодекса.

Впрочем, чужие проблемы меня не касались. Своих хватало с избытком.

Справа на контрасте сидели мужики постарше. Лет тридцать-сорок. У этих были одинаковые потухшие глаза. Одинаковые дешёвые куртки — те, что продают на рынках по три тысячи за штуку, «как брендовые, только в десять раз дешевле». Одинаковая сутулость людей, чья жизнь согнула и забыла разогнуть обратно.

Должники. Это видно сразу. По тому, как они сидят — каждый отдельно, хотя кресла рядом. По тому, как не смотрят друг на друга. По тому, как вздрагивают, когда открывается дверь.

Каждый из них сейчас находится в своём персональном аду.

Я знал таких. В России кредитная система работает очень творчески. Взял ипотеку — потерял работу — не смог платить — банк продал долг коллекторам — коллекторы начали «работать». Звонки в три часа ночи. Визиты к родственникам. Письма с угрозами. Иногда — кое-что похуже.

Для многих Терра-Прайм — не шанс разбогатеть. Это шанс исчезнуть. Улететь туда, куда коллекторы не доберутся. А если повезёт — вернуться с деньгами и закрыть долги.

Если повезёт.

А в дальнем углу зала просматривалась совсем другая история.

Пятеро. Держатся обособленно ближе к центру, чтобы видеть все выходы. Сидят расслабленно, но я видел, как они сканируют пространство — так же, как я. Профессиональный взгляд.

Снаряга не казённая — своя, подогнанная. Разгрузки были пошитые на заказ. Ножи в правильных местах — на бедре, на груди, у одного ещё и в ботинке, это я заметил торчащую рукоятку. Рюкзаки — тоже были тактические.

Один из мужчин — здоровый, бритоголовый, с шеей толще моей головы — заметил, что я смотрю.

И наши взгляды встретились.

Он чуть прищурился. Оценил меня. Я видел, как работает его мозг, и что он видит: шрамы, седина, посадка, взгляд.

Значит, я свой.

Он едва заметно кивнул.

Я кивнул в ответ.

Профи. Эти едут не жить, а фармить. Зайти, вырезать, забрать, выйти. Железы апексов, шкуры редких видов, минералы, которых нет на Земле. Всё, что можно продать. Всё, что можно обменять на цифру на счёте.

Для них Терра-Прайм — это рейд. Как рабочая командировка. Зашёл, отработал, вышел, получил зарплату.

Оценив обстановку один из них — тот, что со шрамом на щеке — вытащил карту из кармана и они все нависли над ней для инструктажа.

К нам вышел один из медиков в белом халате. Молодой и холёный.

— Раздеваемся до белья! — бойко сказал он. — Личные вещи складываем в контейнеры с номерами! Номер запоминаем, записываем, татуируем на лбу — мне плевать как! Потеряли номер — потеряли вещи! Иначе мы их с вами не отправим! Вопросы?!

В медблоке пахло хлоркой и антисептиком. А на лицах большинства присутствующих читался неподдельный страх.

Очередь из полуголых людей тянулась вдоль стены. Всем выдали одинаковые белые трусы и майки перед входом.

Кстати, кто-то даже пытался шутить.

— Слышь, а говорят, там динозавры не настоящие, — сказал тощий парень с серьгой, тот самый, который рассказывал про кореша. — Типа, роботы.

— Ага, — хмыкнул его приятель. — И жрут они тоже понарошку.

— Не, реально! Я в интернете читал...

— В интернете ещё пишут, что Земля плоская.

— А я читал, что оттуда можно не вернуться, — подал голос кто-то из должников. Тихо, почти шёпотом. — Совсем.

Тишина...

— В смысле — «совсем»? — спросил тощий.

— В прямом. Тело здесь, в капсуле. А ты там. Навсегда.

— Это если канал оборвётся, — сказал я.

Все посмотрели на меня. Я не собирался привлекать внимание, но слово — не воробей.

— Квантовая связь, — продолжил я, раз уж начал. — Если разрыв штатный, то тебя выбрасывает обратно в тело. Если нештатный, например, твоего Аватара сожрали — сигнал обрывается резко. Мозг не успевает «вернуться». Остаёшься там. Ну или нигде.

— И часто так бывает? — спросил тощий. Голос у него уже не был таким уверенным.

— Пятнадцать процентов, — сказал я. — Примерно.

Тишина стала ещё гуще.

— Хватит триндеть! — рявкнула медсестра в дальнем конце коридора. — Вперёд, по одному! Не задерживаемся!

Очередь двинулась.

Я стоял, сложив руки на груди. Здесь было прохладно. Пятьдесят пять лет — и уже каждый шрам ноет.

Осколочное в левом плече — Судан, сорок второй. Тянет к непогоде. Три шрама на рёбрах — Сирия, пятьдесят первый, растяжка, которую я обезвредил не совсем вовремя. Компрессионный перелом поясницы — Израиль, пятьдесят третий, когда здание сложилось, а я был внутри. Срослось криво, теперь по утрам разгибаюсь минут пять.

Коллекция и карта жизни на теле в одном флаконе.

Молодой медик с планшетом двигался вдоль строя. Быстрый осмотр, сканирование портативным прибором, пометка в базе. Конвейер. Двадцать секунд на человека. Мясо есть мясо.

Он дошёл до меня.

Посмотрел.

Посмотрел ещё раз.

Провёл по мне сканером медленнее, чем по остальным.

— Так... — он уставился в планшет. — Возраст — пятьдесят пять. Рост — сто семьдесят восемь. Вес — восемьдесят два. Множественные осколочные ранения — левое плечо, грудная клетка, правое бедро...

Он листал данные в планшете дальше.

— Компрессионный перелом, сросшийся с деформацией. Перелом ключицы — сросшийся. Перелом трёх рёбер — сросшийся. Перелом лучевой кости тоже сросшийся.

Он поднял взгляд на меня:

— Да у вас тут целая коллекция, отец.

Отец... Мило.

— Пишите молча, сынок, — сказал я. — Не задерживайте очередь.

Он усмехнулся. Той усмешкой, которая бывает у молодых, когда им кажется, что они всё поняли про жизнь. Когда весь мир — пока ещё шутка, а смерть — что-то абстрактное, что случается с другими.

— Батя, ты разделом не ошибся? Дом престарелых — через дорогу. Там и кашку дают, и телевизор есть, — усмехнулся парень.

Кто-то в очереди нервно хихикнул.

— Куда тебе в Аватар? — не унимался медик. — У тебя мотор встанет при синхронизации. Там нагрузка на сердце, как марафон бежать. А тебе, судя по истории, и до туалета добежать уже подвиг.

Я посмотрел на него. Спокойно. Без выражения.

— Мой мотор надёжнее твоего будет, — отрезал я.

— Ага, — он не унимался. — Старый конь борозды не... — но не успел договорить.

— Заткнись, лейтенант, — голос за спинами был негромким, но очередь замерла.

В дверях стоял полковник.

Невысокий — метр семьдесят, не больше. Китель сидит как влитой, ни морщинки, пуговицы блестят. На погонах красовались три большие звезды. На груди же висели планки наград.

Валера Зорин.

Когда-то мы с ним служили вместе. Он был капитаном, а я — старшим лейтенантом. Он вытаскивал меня из-под завала, а я прикрывал его отход в Зеленой Зоне.

Это было давно. Теперь он — полковник и штабная крыса. А я — пенсионер, который записался в «Расходник».

— Этот «конь», — Зорин смотрел на медика, и тот бледнел, — тебе борозду не испортит. Он в ней тебя закопает, если надо будет. И ещё взвод таких же щенков.

Медик открыл рот. Закрыл. Попытался вытянуться по стойке смирно, но в халате это выглядело жалко.

— Виноват, товарищ полковник!

Зорин даже не посмотрел на него. Он смотрел на меня:

— Кучер, — это слово прозвучало как пароль. — Пойдем-ка ко мне.

Я вышел из строя.

За спиной зависла тишина. Та особенная тишина, когда люди не просто молчат, а слушают. Я чувствовал восхищенные взгляды — затылком, спиной, всей кожей.

И слышал их шёпот:

— Охренеть! Это тот самый?..

— Кучер... С Сирии...

— Который плотину разминировал?..

— Не плотину. Там какой-то мост был...

— Рофланский мост. Я читал. Он один...

Я не оглядывался.

Зорин уже шёл по коридору, и я двинулся за ним.

Его кабинет был тесный, прокуренный и до боли знакомый.

Не этот конкретно, но в похожих мне бывать доводилось. Маленькие комнаты с большими картами. Столы, заваленные бумагами. Пепельницы, полные окурков. Запах дешёвого табака и крепкого кофе.

На стене висела карта секторов Терра-Прайм.

Я подошёл ближе, пока Зорин закрывал дверь.

Карта была большая, подробная. Центр — зелёный, освоенные территории. Военные базы «Восток-1», «Восток-2», «Восток-3»... маленькие значки баз, линии дорог, периметры. Дальше — жёлтое, зоны добычи. Ещё дальше — красное. Много красного. Очень много...

«Восток-5» был почти на краю карты. Маленький значок, обведённый чёрным маркером. Рядом — пометка от руки: «СВЯЗИ НЕТ 14+ Д».

— Насмотрелся? — Зорин сел за стол. Закурил, не спрашивая. Я бы удивился, если бы спросил.

— Нормальная карта, — сказал я.

— Нормальный ад, — поправил он. — Садись.

Я сел.

Он молчал, затягиваясь. Смотрел на меня сквозь дым.

— Ты совсем поехал, Рома? — рыкнул он.

«Рома». Не «Кучер», не «товарищ майор запаса». Значит, проняло его всерьез.

— И тебе здравствуй, Валера.

— В «Расходник»? — он проигнорировал мою иронию, вставая из-за стола. Китель сидел на нем идеально, даже здесь, в гражданском офисе. — Серьёзно? Тебе пятьдесят пять. Тебя же сожрут на первой высадке. Даже пукнуть не успеешь.

— Твоё дело подписать допуск.

То, что Зорин сидел в этом кресле, меня не удивляло. «РосКосмоНедра» только на бумаге частная лавочка. На деле — государственная кормушка с торчащими из всех щелей погонами. А где погоны и риск — там всегда Валера.

— Моё дело не отправлять людей на убой, — он повысил голос. — Аватар — это лотерея, Рома. Ты думаешь, это просто пересадка в новое тело? Хрен там.

— Я справлюсь.

— Не зарекайся! — он хлопнул ладонью по столу. — Никто не знает, как старое сознание сцепится с новой биохимией. У одних едет крыша, они начинают жрать сырое мясо. Другие впадают в ступор и ловят пулю. Третьи...

Он подался вперед, глядя мне прямо в глаза, и понизил голос:

— Третьи просто забывают, кто они такие. Аватар перемалывает личность. Ты можешь проснуться там молодым, сильным и бессмертным, но уже не собой. А просто... функцией. Боевой единицей без тормозов.

Он затушил окурок, словно раздавил насекомое.

— Это непредсказуемая химия, Рома. Твой опыт может стать твоим же врагом. Ты привык доверять своим рефлексам, а там они могут сработать против тебя. Или не сработать вовсе.

Он замолчал. Отдышался. Достал следующую сигарету и вновь закурил с хмурым выражением лица.

— Жди осени, — сказал он тише. — Я тебя инструктором пропихну. В учебку, на «Восток-1». Тёплое место, нормальные условия. Будешь молодняк натаскивать. Это ты умеешь.

— Не могу ждать.

— Почему?!

Я достал телефон. Разблокировал. Открыл файл. Положил на стол.

Зорин посмотрел на экран.

Запись была короткая. Три секунды. Треск, помехи, и сквозь них — голос. Молодой, напряжённый, едва различимый.

«...Восток-5... помощь...»

И тишина...

— Узнал? Три дня назад, — сказал я. — Три секунды эфира. Прорвалось через помехи.

Зорин молчал. Долго. Я видел, как ходят желваки на его скулах.

— Сашка, — сказал я.

— Да узнал я, — рыкнул Зорин.

— Тогда ты знаешь, почему я не могу ждать.

Зорин затушил сигарету. Медленно, тщательно он вдавил окурок в пепельницу и держал, пока не погасла последняя искра. Потом достал пачку и закурил новую.

— Там жопа, Рома, — сказал он тихо. — Полная.

— Рассказывай.

— «Восток-5» молчит две недели, — он кивнул на карту. — Официально он на карантине сейчас. Какая-то херня со спорами, грибковое заражение, протокол изоляции. Красивая сказка для прессы.

— А неофициально?

— Неофициально... — он затыкнулся. — Блокада. То ли американцы, то ли еврожуйцы. То ли и те, и другие. А может — что-то новое из фауны полезло. Апексы там другие. Крупнее, злее.

— Что значит — «блокада»?

— Значит, туда не пройти. Дроны не долетают. Поле сбивает, помехи. Посылали разведгруппу, но вернулись двое из восьми. Один вообще в овощном состоянии.

— А второй?

— Второй сказал, что там «что-то неправильное». И застрелился через два дня, — подумав, ответил полковник.

— Застрелился? — приподнял бровь я.

— Я тебе говорил, что тело действует на сознание непредсказуемо! — хмыкнул Зорин. — Иногда и такие финтеля случаются. Внезапно!

Я смотрел на карту. На маленький значок «Восток-5». На чёрную обводку.

— Многое случается, вот поэтому я и иду, — сказал я.

— Ты не дойдёшь.

— Посмотрим.

— Кучер... — Зорин подался вперёд. — Там даже профи не справляются. А ты — один, среди тварей, без поддержки...

— Мне не привыкать, — сжал зубы я. — Если он жив — я его вытащу.

— А если нет?

— Тогда заберу тело, — сжав кулак сказал я. — Он — мой сын, Валер.

Зорин смотрел на меня. Долго. Пристально. Так смотрят на человека, которого видят в последний раз.

Потом отвёл взгляд.

— Хрен с тобой.

Он развернулся к терминалу. Пальцы забегали по клавиатуре — быстро, зло, он буквально бил по клавишам.

— Снять тебя с рейса я не могу. Но могу подсунуть тебе правильную машину. Вся эта новая партия «Аватаров-Спринт» — сырое дерьмо. Легкие, быстрые, нодохнут от чиха. Корпорация бабки вложила, теперь гонит их в бой, чтобы статистику набрать. Я тебя переписал на старую инженерную модель — «Трактор». Их уже не выпускают, но они обкатанные и надежные. Броня толще, каркас крепче. Если тебя будут жрать, то хоть жевать будут дольше.

— Спасибо.

— Не благодари, — он снова затаился. — Если сдохнешь — не хочу, чтобы это было на мне.

Я встал. Пошёл к двери.

— Рома, — он окликнул меня.

Я остановился и обернулся.

Зорин смотрел на меня. То ли с жалостью, то ли с уважением. Возможно, попрощаться хотел.

— Когда найдёшь Сашку... — он помолчал. — Передай, что я должен ему за Платформу-9. Он знает.

— Бывай, Валера, — кивнул я.

И вышел, не оглядываясь.

Коридор, ведущий к капсулам, был длинный, белый и стерильный. И по нему куратор вела всю группу. Молодая женщина — лет тридцать, тёмные волосы собраны в хвост. Голос усталый, почти механический.

Она повторяла этот текст каждый день. Может даже, несколько раз за день.

— Запоминайте, герои, повторять не буду, — она шла впереди, не оборачиваясь. — Вы летите не тушкой, а цифрой. Ваши тела остаются здесь, в стазисе. Ваше сознание оцифровывается, сжимается и транслируется по квантовому каналу на ту сторону.

Мы шли за ней — человек двадцать, в одинаковых казённых халатах, в одинаковых казённых тапочках. Стадо на убой.

— На Терра-Прайм всё крупнее, — продолжала куратор. — Гравитация там девяносто три процента земной. Кислорода двадцать восемь процентов — это больше, чем на Земле, аж на семь пунктов. Столько же, сколько было в меловой период. Это значит, что вы будете дышать легче, бегать быстрее, а огонь будет гореть ярче. И взрывы тоже будут мощнее.

Она говорила это так, будто читала прогноз погоды.

— Ваши Аватары — био-синтетические оболочки. Рост и габариты — человеческие, мы не делаем из вас великанов. Нет смысла, да и когда пробовали получилась конкретная ерунда. Зато внутри — полный тюнинг. Кости армированы титановым сплавом, мышечная ткань усилена волокнами на основе паучьего шёлка. Кровь модифицирована, втрое больше гемоглобина,

как у шерпов, только лучше. Лёгкие переработаны под высокое содержание кислорода. Вы будете сильнее, быстрее и выносливее, чем когда-либо были в своём родном теле.

Кто-то присвистнул. Тот тощий парень с серьгой:

— Круто...

— Не очень, — куратор даже не обернулась. — Потому что там всё больше. Гравитация чуть ниже, кислорода — больше, и всё живое это использует. Деревья там, как небоскрёбы. Насекомые, ну примерно с кулак. А динозавры...

Она резко обернулась к парню:

— Динозавры там — это не музейные скелеты. Это живые машины для убийства, которые эволюционировали шестьдесят пять миллионов лет без перерыва! Вы для них всего лишь закуска. Так что если думаете, что ваш модифицированный бицепс поможет вам в драке с тварью размером с автобус, то подумайте ещё раз.

— А чем тогда воевать? — спросил кто-то из строя.

— Головой, — ответила куратор. — И калибром двенадцать-семь. Желательно — одновременно.

Мы вошли в зал, где располагались капсулы. Они стояли рядами — белые, гладкие, похожие на коконы. Или на гробы. На очень технологичные гробы с мигающими индикаторами и трубками, уходящими в пол.

Их было много. Возможно, целые тысячи.

— В черепушку вашего Аватара вшит нейрочип, — куратор остановилась в центре зала. — Чип обеспечивает интерфейс дополненной реальности и связь с военным ИИ-ассистентом.

Она повернулась к нам:

— Ассистента зовут Е.В.А. Она... — куратор усмехнулась, — ...она поможет вам не сойти с ума от сенсорной перегрузки. Слушайте её. Она знает больше, чем вы. Она знает даже больше, чем я.

— А что она умеет? — спросил кто-то из строя.

— Всё. Подсветка целей, анализ угроз, навигация, медицинская диагностика, взлом техники. И помните, у неё специфический характер.

Она выдержала паузу, давая информации улечься. Или просто переводя дыхание перед следующим блоком:

— Теперь по логистике. Точка высадки для всех — база «Восток-4». Это наш основной плацдарм в секторе сейчас. Там периметр под охраной, есть казармы, медблок и оружейка. Почти цивилизация.

Кто-то нервно хохотнул.

— На месте получите полный инструктаж, — строже добавила куратор. — Распределение по подразделениям, выдача снаряжения, карты секторов, протоколы эвакуации. Всё там. Здесь я вам даю только общую картину, чтобы вы не обосрались в первые тридцать секунд.

Куратор обвела нас тяжёлым взглядом:

— Так, дальше личные вещи. Номера, которые вы запомнили или записали, это номера контейнеров. Они уйдут на «Восток-4» первым грузовым рейсом. Обычно это происходит в течение двух суток после вашей высадки. Если доживёте, всё получите.

Она сказала это буднично. Как «если будет хорошая погода».

— Вопросы есть?

Тишина. Вопросов было много, но никто не хотел выглядеть идиотом. А зря... В такой ситуации лишний раз лучше спросить.

— Отлично, — куратор развернулась и пошла дальше. — Тогда по капсулам. Живее, герои! Терра-Прайм ждёт!

Два дня — это много. Сын столько ждать не будет.

Впрочем, в моём бауле не было ничего незаменимого. Инструменты найду на месте. Или сделаю сам.

Техники начали разводить нас по капсулам. Один подошёл ко мне — пожилой, лет шестьдесят, с морщинистым лицом и спокойными глазами. Из тех, кто видел слишком много, чтобы удивляться.

— Номер тридцать семь, — сказал он. — Сюда.

Он подвёл меня к капсуле. Она была чуть больше остальных и старше. Обшивка не белая, а серая, с царапинами и потёртостями. Индикаторы другие, более простые. Модель предыдущего поколения.

— Что за рухлядь? — спросил я.

Техник усмехнулся.

— Резерв. Её списали два года назад, поскольку устарела. Но кто-то только что вернул в строй, — он посмотрел на меня с любопытством. — Давно я «Трактора» не запускал. Хорошая машина. Лучше чем спринты на голову. У вас есть друзья в высоких кабинетах?

— Один, — сказал я. — Друг.

— Ложитесь. Руки вдоль тела. Дышите ровно. Не сопротивляйтесь.

Я лёг.

Капсула была холодной. Внутри провода, датчики, мягкая обивка, которая тут же приняла форму моего тела. Пахло мятой и чем-то химическим, тем же, что в коридоре. Теперь я понял: это запах геля. Транспортной среды.

— Сейчас пойдёт заполнение, — сказал техник. — Гель проводящий, безвредный. Не задерживайте дыхание — он оксигенированный, можете дышать прямо через него. Это будет непривычно. Но безопасно.

— Делал раньше, — кивнул я.

— Тогда удачи.

Крышка начала закрываться.

Последнее, что я увидел — потолок зала и лицо техника. Он смотрел на меня без выражения. Видел тысячи таких. Увидит ещё тысячи.

Затем пришла темнота.

Холодная жидкость начала подниматься. Сначала покрыла ноги. Потом — живот. Грудь. Шею.

Она была густая и обволакивающая.

Когда она добралась до лица, я инстинктивно задержал дыхание. Потом заставил себя выдохнуть. Вдохнуть.

Получилось.

Странное очень ощущение — дышать жидкостью. Лёгкие наполняются, но нет чувства воздуха. Только прохлада и лёгкое покалывание.

Я лежал в полной темноте, в полной тишине, в коконе из проводящего геля.

И думал о Сашке.

Ему было тридцать два. Мой единственный сын.

Его мать умерла, когда ему было семь — рак желудка. Я растил его один. Между командировками и войнами.

Плохо растил. Знаю.

Когда ему было двадцать, он сказал: «Бать, я не хочу, как ты. Не хочу воевать». Я ответил: «Хорошо».

Когда ему было двадцать шесть, он сказал: «Бать, я нашёл работу. Нормальную. Там платят хорошо».

Я не спросил, какую. Не хотел знать. А теперь хочу...

Поэтому и иду на Terra-Прайм. Там мой сын тоже оператор Аватара на «Восток-5». И он просил моей помощи.

Держись, сын. Батя идёт!

Дальше меня ждал переход.

Для этого нет слов. Человеческий язык не приспособлен описывать то, чего не должно существовать.

Если вкратце — это херня полная. Будто тебя засунули в блендер, нажали «турбо», а потом попытались склеить обратно из того, что вылетело

Но пока собирали вы были везде и нигде одновременно.

Мгновение, которое длилось вечность. Вечность, которая уместилась в мгновение.

Первое, что вернулось — звук. Он отражался в темноте моего сознания.

Не гул приборов. Не голоса техников. Нет.

Рёв!

Низкий и утробный. Такой, от которого вибрирует воздух и кости. Он пробуждал что-то древнее, спрятанное глубоко в мозгу. Что-то, что помнит, каково это — быть добычей.

Миллионы лет эволюции кричали: БЕГИ!

Потом вернулся запах.

Он ударил, как кулак по носу. Прелая листва — густой, сладковатый запах разложения и жизни одновременно. Muskus — тяжёлый, звериный. И кровь. Много свежей крови.

Потом темнота рассеялась, и я увидел свет.

Наконец открыл глаза.

Красные строчки побежали по периферии зрения. Текст, символы, графики — всё одновременно, слишком быстро, чтобы понять.

[СИСТЕМА Е.В.А. ИНИЦИАЛИЗИРОВАНА]

[КВАНТОВАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ: 94,7%]

[СТАТУС: СТАБИЛЬНЫЙ]

[ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ОПЕРАТОР КОРСАК Р. А.]

[ПОЗЫВНОЙ: КУЧЕР]

[ВРЕМЯ В ОБОЛОЧКЕ: 00:00:47]

Я попытался пошевелиться. Тело слушалось, но неправильно. Оно было слишком... другое.

Руки двигались с задержкой. Я хотел согнуть палец, и тот сгибался, но через полсекунды. Как будто сигнал шёл через плохое соединение.

Я лежал в чём-то металлическом, тесном и тёмном.

Капсула Аватара. Я узнал конструкцию — стандартный одноместный контейнер для нового тела. Видел такие по телеку.

Только этот был разбитый. Обшивка — смятая, с трещинами. Свет пробивался сквозь разломы.

И звуки раздавались откуда-то снаружи.

Рёв — тот же, что разбудил меня. Теперь он был ближе. Намного ближе.

Треск ломающихся веток. Тяжёлые шаги от которых дрожала капсула.

И дыхание. Громкое, влажное, с присвистом. Оно раздалось прямо за стенкой.

Так, стоп! Я же должен быть на базе «Восток-4». Откуда джунгли?

[ВНИМАНИЕ]

[ОБНАРУЖЕНО КРУПНОЕ БИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В РАДИУСЕ 5 МЕТРОВ]

Я замер...

Тварь снаружи — чем бы она ни была — обнюхивала капсулу. Я слышал, как втягивается воздух. Как выходит обратно уже горячий, с запахом гнилого мяса.

Потом услышал скрежет когтей по металлу.

Капсула содрогнулась. Тварь не пыталась раздавить её весом, она искала щель, чтобы вскрыть жестянку и добраться до начинки. До меня.

[КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗЫ: ХИЩНИК]

[ПОДВИД: ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ]

[МАССА: ~1200 КГ]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: СОХРАНЯТЬ НЕПОДВИЖНОСТЬ]

Спасибо, блин. Очень полезно! Я и так не шевелюсь!

Скрежет прекратился. На пару секунд наступила тишина.

Потом обшивка капсулы в районе разлома жалобно звякнула, и металл выгнулся наружу.

Дневной свет хлынул в образовавшуюся дыру, а следом в неё протиснулась узкая, вытянутая черная морда. Ноздри подрагивали, ловя мой запах. Зубы — тонкие, загнутые назад, как рыболовные крючки. Идеально, чтобы вцепиться и не отпустить.

На меня посмотрел огромный глаз. Жёлтый, как янтарь. С широким, идеально круглым зрачком, который фокусировался на моём лице.

Какого хера? Откуда эта тварь взялась на базе?

Она фыркнула. Интерфейс мигнул. Завис на секунду, пересчитывая шансы:

[ОЦЕНКА УГРОЗЫ: КРИТИЧЕСКАЯ]

[РЕКОМЕНДУЕМОЕ ДЕЙСТВИЕ: ...]

Интерфейс немного подвис.

[РЕКОМЕНДУЕМОЕ ДЕЙСТВИЕ: МОЛИТЬСЯ]

Это что, юмор такой?

— Ёп твою мать... — прошептал я, чувствуя, как внутри нового тела начинает гулко биться незнакомое, слишком мощное сердце.

Добро пожаловать на Terra-Прайм, Кучер!

Глава 2

— Добро пожаловать на Терра-Прайм, Кучер! — и снова эта фраза.

Ох, блин. Так это не мои мысли, а у меня в башке реально кто-то говорит.

Голос реально раздался прямо в голове. Чёткий, звонкий, с лёгкой хрипотцой и совершенно неуместной бодростью. Ещё и женский. С интонациями радиоведущей какого-нибудь утреннего шоу.

— Погода шепчет, вид шикарный! Правда, мы немножко в заднице. Но это детали, да? — продолжила она.

Раптор дёрнул головой. Щёлкнул зубами в воздухе, но это был лишь пробный укус, проверка расстояния.

Я почувствовал движение воздуха на лице. Тварь промахнулась.

— Ты кто? — мысленно спросил я. Говорить вслух не было сил. Да и не хотелось привлекать лишнее внимание.

— Е.В.А., — ответил голос. — Единый Виртуальный Ассистент. Твой персональный ангел-хранитель, навигатор и заноза в нейрочипе. Можешь звать меня Евой, если хочешь. Или «эй, ты». Или «чёртова железка». Мне не принципиально, я не обидчивая.

— Отлично. Замечательно. Ну просто чудесно!

— Чувствую сарказм в твоём голосе. Это хорошо. Значит, когнитивные функции в норме.

Раптор снова ткнулся мордой в щель. Металл заскрипел протяжно и жалобно. Обшивка прогнулась. Тварь учуяла, что добыча близко, и теперь пыталась расширить отверстие.

— Где база «Восток-4»? — спросил я, стараясь не смотреть на зубы в пятидесяти сантиметрах от своего носа. — Где персонал? Где, мать его, приёмная комиссия с хлебом-солью?

Пауза. Короткая, но я её уловил. В тишине, когда рядом с тобой возится голодный хищник, замечаешь каждый нюанс.

— Мы не на базе, Кучер.

— А где?

— На импровизированной свалке в джунглях. Километров десять от ближайшего намёка на цивилизацию. Ну, плюс-минус.

Я переварил информацию. И она меня совсем не радовала.

— Плюс-минус? — переспросил я.

— Плюс-минус, — подтвердила Ева. — Навигационные спутники в этом секторе работают через пень-колоду. Местное электромагнитное поле глушит сигналы. Я могу определить координаты с точностью до... ну, скажем, километра. Может, двух. Ты же не будешь придирается к мелочам?

Свалка в джунглях. Десять километров от цивилизации. Мда!

Спасибо, Валера. От души удружил! «Инженерная модель. Надёжная», говорил он. «Обкатанная». Если тебя будут жрать, то хоть жевать будут дольше.

Похоже, жевать начнут прямо сейчас.

Раптор протиснул голову глубже в щель. Я видел теперь не только морду, но и передние лапы, которые скребли по краям отверстия, пытаясь его расширить.

Когти. Чёрные, загнутые, сантиметров по пятнадцать каждый. Они оставляли на металле глубокие борозды. С такой же лёгкостью они вспорют мне живот.

[ВНИМАНИЕ]

[ЦЕЛОСТНОСТЬ ВНЕШНЕЙ ОБОЛОЧКИ КАПСУЛЫ: 31%]

[ПРОГНОЗИРУЕМОЕ ВРЕМЯ ДО КРИТИЧЕСКОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ: 2-3 МИНУТЫ]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: ЭКСТРЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ]

Красные строчки плыли перед глазами, накладываясь на морду раптора. Система услужливо подсвечивала угрозу, будто я мог её не заметить. Ещё бы, это же такая мелочь!

— Кучер, — голос Евы стал серьёзнее. Бодрость помощницы никуда не делась, но под ней проступило что-то похожее на тревогу. — Эта консервная банка не выдержит. У нас две минуты, может, три. Нужно что-то делать.

— Что именно?

— Не знаю! Ты оператор, ты принимаешь решения! Я могу дать информацию, проанализировать ситуацию, построить маршрут. Но драться с рапторами — это твоя работа!

— У нас нет оружия?

— У нас нет ничего. Ты голый, безоружный, в разбитой капсуле, посреди джунглей, и тебя сейчас сожрут. Это достаточно полная картина?

Раптор рыкнул так, что завибрировал воздух. Он терял терпение. Добыча была рядом, и он чуял её, но не мог достать. Это его очень злило.

Злой хищник — опасный хищник. Но и нетерпеливый. Он начнёт ошибаться.

— Какая в жопу картина, — пробормотал я вслух. Горло было сухое, голос хриплый. Первые слова в новом теле. — Не суетись.

— Не суетись?! — Ева почти взвизгнула. — У тебя раптор морду в капсулу засунул! Если ты сдохнешь, то и меня не станет. Так что прошу тебя, займись нашим вызволением отсюда.

— Вижу, что засунул. Мы уже познакомились. Милая тварь. Дай мне схему капсулы.

— Что?

— Схему. Чертёж. Устройство этой консервной банки. Можешь вывести?!

Перед глазами развернулась полупрозрачная проекция, наложенная поверх реальности. Контуры капсулы, магистрали, узлы. Всё было подсвечено разными цветами: зелёный — рабочее, жёлтый — повреждённое, красный — неисправное.

Красного было довольно много.

Я не искал выход. Выход был очевиден — та же щель, через которую лезла тварь. Других вариантов не было: люк заклинило, аварийный сброс не работал.

Я искал оружие.

Взгляд скользил по схеме. Мозг работал на автомате, как всегда работал в критических ситуациях. Не паника и страх, а только анализ и расчёт. Иначе я бы ещё в армии давным-давно коньки отбросил.

Электропроводка. Хм, можно устроить короткое замыкание, но чем это поможет? Раптор не боится искр.

Аварийный маяк. Ну он тоже бесполезен в бою.

Система жизнеобеспечения. Кислородные баллоны? Пусты. Резервные батареи? Разряжены.

Так, дальше по схеме идёт система охлаждения.

Я задержал взгляд на толстой трубке, идущей вдоль потолка капсулы. Охлаждающий контур для стазис-системы находился прямо над моей головой.

— Ева. Что есть в системе охлаждения?

— Хладагент. Местный аналог жидкого азота. Температура... — пауза, видимо ей требовалось время для обработки информации, — минус сто восемьдесят семь по Цельсию. А что?

— Давление в системе какое?

— Двенадцать атмосфер. Кучер, к чему эти вопросы? У нас раптор в...

— Знаю, — перебил я. — Если я сорву эту трубку, что будет?

Ева помолчала. Давай-давай, щёлкай своими виртуальными шестерёнками в своих гребанных алгоритмах!

— Будет струя переохлаждённого газа под высоким давлением, — сказала она наконец. — Опасно для органики. Но Кучер, тебе нужно до неё дотянуться. А у тебя сейчас латентность сигнала...

— Знаю.

Я попытался поднять руку.

Это было похоже на попытку сдвинуть бетонную плиту. Мозг отдавал команду, но тело реагировало с чудовищной задержкой. Я чувствовал руку, но где-то далеко, будто на периферии сознания. Чувствовал каждый палец. Но между «хочу согнуть» и «согнул» проходила целая вечность.

Локоть дрогнул. Начал медленно подниматься, как во сне, когда пытаешься убежать и не можешь.

Раптор заметил движение. Дёрнул головой. Щёлкнул зубами — на этот раз ближе, я почувствовал, как воздух, вырвавшийся из пасти, свистнул у самого уха.

— Не торопи, — прошептал я. — Дай прицелиться...

— У нас нет времени на тантрические практики! — воскликнула Ева. — Твоя рука двигается как дохлая черепаха! Он тебя сожрёт раньше, чем ты дотянешься!

— Есть идеи?

— Одна. Тебе она не понравится.

— Валяй.

— Принудительная стимуляция нервных окончаний. Протокол «Дефибрилляция системы». Это больно.

— Насколько?

— Очень. Но это пробьёт латентность и синхронизирует нейронные связи. Временно. Минут на пять, может, десять.

Раптор рванул обшивку когтями. Металл завизжал. Щель стала шире. Ещё немного — и тварь пролезет целиком.

— Делай, — сказал я.

— Ты уверен? Я серьёзно, это очень...

— Делай!

Удар!

Если бы меня спросили, на что это похоже, я бы сказал: представьте, что вам засунули оголённый провод под напряжением прямо в позвоночник. А потом включили ток. Весь, какой есть.

Тело выгнуло дугой. Я не контролировал этого — оно само выгнулось, от копчика до затылка, каждый мускул сократился одновременно. Зубы клацнули так, что я едва не откусил себе язык. В глазах вспыхнуло белое, потом красное, потом чёрное.

Гребаная боль разлилась по телу... Такая, что выжигает все мысли, оставляя только один вопль: ПРЕКРАТИТЬ.

А потом всё прошло.

Так же резко, как началось. Боль схлынула, оставив после себя странное ощущение... ясности в сознании.

— Твою мать! — выдохнул я. — Что за нахер?!

— Я предупреждала, — голос Евы был абсолютно невозмутимым. — Больно, зато эффективно. Работает же?

Работало.

Я согнул руку и она согнулась. Сразу. Без задержки.

Сжал кулак. Пальцы сомкнулись с гидравлическим гулом, который я почувствовал всем телом.

Раптор среагировал на резкое движение. Отдёрнул голову, щёлкнул зубами в воздухе. Инстинкт работал так: когда добыча дёргается, нужно хватать.

Но я был уже не там.

Левая рука метнулась к внутренней обшивке капсулы. Пальцы «Трактора» — толстые, мощные — вцепились в край пористого материала и рванули. Кусок обшивки оторвался с хрустом.

Я швырнул его в морду раптору.

Поранить не поранит, но отвлечет. Тварь машинально щёлкнула пастью, схватив кусок на лету. Укусила. Поняла, что несъедобно. Начала мотать головой, пытаясь выплюнуть.

Секунда. Может, две. Больше мне не нужно.

Правая рука взметнулась вверх. Пальцы сомкнулись на холодной, покрытой изморозью трубке хладагента. Металл заскрипел под хваткой.

Раптор выплюнул обшивку. Повернул голову ко мне. Зрачки сузились в щёлки. Он понял, что добыча сопротивляется.

Рывок!

«Трактор» был тяжёлым, но сильным. Я почувствовал, как мышцы напряглись, а сервоприводы загудели от нагрузки. Трубка держалась на креплениях, но крепления были старые, ржавые.

Раз.

Металл застонал.

Два.

Крепление лопнуло. Трубка оторвалась, и из разрыва ударила белая, шипящая, окутанная паром, струя

Я направил её в морду раптору.

Тварь взвизгнула.

Это был высокий, пронзительный визг боли. Такой, от которого закладывает уши. Струя была точно в глаза и ноздри — самые уязвимые места на бронированной морде.

Чешуя покрылась инеем. Янтарные глаза побелели и замёрзли в долю секунды. Ноздри обледенели.

Раптор забился, пытаясь вырваться из щели. Но голова уже застряла — обшивка, которую он сам расширил, теперь держала его, как капкан.

Я не стал ждать.

Оторвал окончательно и перехватил обломок трубки обеими руками. Металл промёрз насквозь. Я чувствовал сквозь синтетическую кожу «Трактора», как холод обжигает ладони. Вот она — сенсорика аватаров.

Раптор бился в щели, ослеплённый, обезумевший от боли. Голова моталась из стороны в сторону. Шея напряглась, мышцы вздулись под чешуёй.

Любая конструкция имеет слабое место. У зданий это несущие узлы. У мостов — точки напряжения. У живых существ — сочленения. Там, где подвижность важнее прочности.

Я размахнулся концом трубки. Промёрзший металл, острый на изломе, весом в добрых три кило.

Первый удар пришёлся в замерзшее от хладагента место на шее. Туда, где череп переходит в позвоночник. Чешуя треснула. Тварь дёрнулась и взвизгнула.

Второй удар пришёлся в то же место, только глубже — я ощутил, как металл входит в плоть раптора, как что-то хрустит и поддаётся под остриём.

Третий удар стал последним.

Труба пробила чешую, мышцы, хрящи и вошла в позвоночный канал с коротким влажным хрустом. Раптор содрогнулся всем телом, конвульсивно щёлкнул зубами в воздухе и обмяк, будто из него разом выдернули все кости.

Перебитый спинной мозг — надёжнее любой пули.

В капсуле повисла тишина, нарушаемая только шипением утекающего хладагента, потрескиванием инея на морде твари и моим собственным дыханием.

Я лежал неподвижно, глядя на мёртвую тварь. Новое сердце колотилось как бешеное. Адреналин гудел в крови. Руки мелко подрагивали.

Жив. Я жив.

Хер вам, а не Кучер на завтрак.

[УГРОЗА НЕЙТРАЛИЗОВАНА]

[КЛАССИФИКАЦИЯ: ЮТАРАПТОР, ПОДВИД «НОЧНОЙ ОХОТНИК»]

[МАССА: 1200 КГ / ДЛИНА: 3.2 М]

[ДОСТИЖЕНИЕ РАЗБЛОКИРОВАНО: «ПЕРВАЯ КРОВЬ (АПЕКС)»]

[НАГРАДА: +50 К РЕПУТАЦИИ (СКРЫТО)]

[ПОЗДРАВЛЯЕМ, ОПЕРАТОР КОРСАК!]

Красные строчки плыли перед глазами, сменяясь зелёными, потом золотыми. Какие-то иконки, какие-то цифры. Праздничная мишура для убийства.

Я смахнул уведомления жестом и они послушно исчезли.

— Что за хрень? — спросил я вслух. — Игрушки для детей?

— Геймификация мотивирует, — Ева снова была бодрой. — Но тут дело не только в веселье.

— А в чём?

— В нейропластичности. Твой мозг сейчас в шоке, Кучер. Он пытается управлять чужим телом. Если я сейчас загружу в тебя полный пакет боевых программ — баллистику, токсикологию, расширенную моторику — у тебя просто предохранители выгорят. Инсульт, пена изо рта, конец игры.

— Обнадёжила.

— Система разблокирует слоты постепенно. Чем больше стресса ты переживаешь, тем быстрее адаптируется нейросеть. Убил Апекса — мозг получил встряску, каналы расширились. Теперь я могу подгрузить что-то полезное без риска превратить тебя в овощ.

— И что даёт эта репутация? — я кивнул на исчезнувшую надпись.

— Доступ, — коротко ответила Ева. — Корпорация не даёт новичкам доступ к закрытым частотам, картам ресурсов или армейским магазинам. Ты для них пока «ноль». Наберёшь рейтинг — сможешь запрашивать орбитальную разведку или торговать с официальными постами. Останешься на нуле — сдохнешь в канаве, и никто даже отчёт писать не станет.

— То есть, хочешь жить — убивай больше?

— Хочешь жить — докажи, что ты актив, а не пассив. Добро пожаловать в капитализм, Кучер.

Я повернул голову, разглядывая мёртвого раптора. Глаза твари смотрели в никуда. Пасть приоткрылась, обнажая ряды зубов. Язык вывалился набок.

Красивая смерть. И быстрая.

Но это был только первый динозавр. Не последний.

— Кучер, — голос Евы стал мягче. — Как ты?

Хороший вопрос.

Я попытался оценить своё состояние. Тело теперь слушалось, после этой чёртовой «дефибриляции». Боли уже не было. Повреждений, кажется, тоже. Раптор не успел меня задеть.

— Нормально, — сказал я вслух. — Выбираемся.

Выбираться из капсулы пришлось через ту же щель, которую проделал раптор.

Мёртвая тварь застряла в проёме. Тысяча двести с лишним кило мяса, костей и чешуи, намертво заклинившие в рваном отверстии. Я упёрся ногами в пол капсулы, схватился за край обшивки и толкнул.

«Трактор» справился.

Туша сдвинулась сначала на сантиметр, потом на два. Что-то хрустнуло, что-то чавкнуло.

Я толкал снова и снова, пока раптор не вывалился наружу. Слышал, как туша шлёпнулась на землю. Повезло, что она рухнула не всей массой на крышку капсулы, а только головой.

Теперь щель была свободна.

Поэтому я протиснулся наружу и встал.

И в этот момент джунгли обрушились на меня. И это не метафора. Они именно обрушились. Всеми органами чувств сразу, как цунами или лавина. Или хрен её разбери кто.

Новое тело воспринимало мир иначе — ярче и громче. Будто кто-то выкрутил все настройки на максимум.

В нос ударили сотни запахов, переплетённые в единый сложный букет.

Потом звуки. Птичий гомон, но неправильный, слишком низкий, с клёкотом и щёлканьем. Треск веток раздавался где-то в чаще — что-то крупное двигалось, далеко, но недостаточно далеко. Жужжание насекомых. И под всем этим далёкий рёв. Утробный, первобытный. Что-то очень большое заявило о себе миру.

Увидел зеленоватый свет, рассеянный кронами деревьев, которые уходили вверх на немыслимую высоту. Я задрал голову и не увидел неба. Только листья, ветки, лианы. Слой за слоем.

Деревья были невероятно огромными. Это слово не передавало масштаб. Стволы — каждый толщиной с многоэтажный дом. Кора была грубая, бугристая, покрытая мхом и грибами. Корни были выступающие из земли, как спины каких-то погружённых в почву чудовищ.

И листья. Каждый размером с обеденный стол. Некоторые даже больше.

Всё здесь было масштабнее. Всё было больше, чем на моей родной Земле.

Я стоял посреди этого, голый, растерянный, с кулаками, испачканными кровью раптора. И чувствовал себя муравьём, который случайно заполз в собор.

— Красиво, правда? — сказала Ева.

Её голос вырвал меня из ступора.

— Охрененно, — согласился я.

И только тут посмотрел вниз.

Тело «Трактора» было впечатляющим. Это первое слово, которое пришло в голову. Второе — «человеческим».

Мышцы бугрились под кожей, но не как у культуристов напоказ, а функционально, как у рабочего животного. Грудь широкая, руки толстые, предплечья как окорока. Живот плоский, с рельефом, который я не видел в зеркале лет десять.

Кожа была странная. Слишком гладкая и ровная. И цвет — чуть сероватый, будто под ней была не кровь, а что-то другое.

Я поискал шрамы, к которым привык за тридцать лет. Осколочное в плече, следы от растяжки на рёбрах, старый порез на бедре.

Они были. Но совершенно другие. Бледные, едва заметные, будто зажили сто лет назад. Или были нарисованы тонкой кистью. Больше намёк на шрамы, не они сами.

И да. Остальное тоже было на месте. Пропорциональное.

Аватар — это не просто пустая оболочка. Корпорация десять лет убила, чтобы вывести идеальную формулу.

Пробовали киборгов —дохнут от помех. Пробовали трёхметровых гигантов — те жрут столько, что логистика не справляется.

В итоге остановились на обычном теле, но с нюансами. На Терра-Прайм плотная атмосфера, кислорода больше. Обычный человек там сгорит за неделю, потому что окисление тканей бешеное.

Поэтому и не удастся лететь в собственном теле. Летит только сознание. Его оцифровывают и перебрасывают в Аватар. Но это био-синтетика! У неё свой метаболизм, свои гормоны, своя нейросеть. Это топка, в которую нужно постоянно кидать уголь. В общем, везде нюансы.

— Приятно познакомиться, — сказал я своему новому телу.

— Я тут решила поднять тебе боевой дух, — раздалось справа.

Я повернул голову.

И увидел, что рядом со мной стояла женщина.

Голограмма — я понял это сразу. Полупрозрачная, слегка мерцающая по краям, с лёгким голубоватым свечением, которое выдавало искусственную природу. Но детализация была безупречной. Каждая ресница, каждая прядь волос, каждая деталь анатомии.

Два метра роста. Минимум.

Пропорции принадлежали к категории «физически невозможных», из тех, что рисуют подростки на полях тетрадей — осиная талия, плавные бёдра и грудь, бросающая вызов гравитации и здравому смыслу одновременно.

Лицо красивое, с высокими скулами и полными губами. Глаза большие, волосы — чёрные, спускающиеся до поясицы.

И еще она была голая. Абсолютно. Я аж бровь от удивления приподнял. Что за шутки?

— Нравится? — Ева повернулась, демонстрируя себя со всех сторон. — Стандартная модель визуализации ИИ-ассистента. Психологические исследования показали, что мужчины-операторы лучше реагируют на визуальную стимуляцию. Повышается уровень дофамина, улучшается концентрация, снижается уровень стресса.

— Это что?

— Я же сказала. Стандартная модель. Разработана на основе опросов фокус-групп. Между прочим, получила высший балл по параметру «привлекательность». Ты же тоже голый. Не испытываешь зато стеснения.

— Это порно какое-то. Я и так ничего не стесняюсь.

— Это наука, — она улыбнулась. — Большая разница.

Я смотрел на неё. Она смотрела на меня. Голограмма голой девушки и голый мужик посреди джунглей на чужой планете в другом мире. Сюрреализм достиг каких-то новых высот.

— Оденься, — сказал я.

— Что?

— Оденься. Накинь что-нибудь. Это отвлекает.

— Отвлекает? — Ева подняла бровь. — Я думала, в этом и смысл.

— Оденься и масштаб уменьши. Ты как Годзилла.

На голографическом лице промелькнуло что-то странное... Неужели программа может обижаться?

— Я пыталась создать комфортную визуальную среду, — сказала она. — Помочь тебе адаптироваться к новым условиям.

— Ты создала порно с великаншей. Мне пятьдесят пять лет...

— Технически, твоему Аватару около трёх месяцев.

— Мне пятьдесят пять лет, — повторил я. — Я не подросток с бушующими гормонами. Мне не нужна голая баба в голове, чтобы сосредоточиться. Мне нужна информация, навигация и поддержка. Можешь это обеспечить?

— Могу.

— Тогда одевайся, уменьшайся, и давай работать.

Ева смотрела на меня несколько секунд. Потом пожала плечами. Жест получился удивительно человеческим. Умеют же делать.

— Как скажешь, босс.

Щелчок пальцами. И на ней появился чёрный, облегающий комбинезон военного кроя с множеством карманов, ремней и креплений. Практичный. Ну почти.

Декольте осталось. Глубокое, вызывающее. И рост уменьшился. Теперь она была примерно метр семьдесят, чуть ниже меня.

— Так лучше?

— Декольте.

— Что декольте? — не понимала она.

— Убери.

— Это уже придирки.

— Ева, — настоял я.

Она вздохнула. Ещё один щелчок и декольте затянулось, превратившись в глухой воротник.

— Скучный ты, Кучер, — сказала она. — Ладно, работаем. Что делаем дальше?

— Осматриваемся. Ищем снаряжение. Потом решаем, куда идти.

— Отличный план. Прямо образец стратегического мышления.

— Ты ещё и язвись?

— Я многофункциональная.

Наверняка это начало долгой, утомительной, и, возможно, спасительной дружбы. Но сейчас она была мне именно что полезна.

Свалка раскрывалась передо мной по мере того, как я её обходил.

Поляна была небольшой метров пятьдесят в диаметре, отвоёванная у джунглей грубой силой. Кто-то расчистил это место: спилил деревья, выкорчевал пни, утрамбовал землю.

Давно причём. Лианы, побеги, мох — были на всём. Судя по тому, как лес наступал обратно прошло не меньше полугода.

Контейнеры стояли рядами. Стандартные транспортные, с полустёртой, едва читаемой маркировкой «РосКосмоНедра». Помятые, ржавые, некоторые со следами когтей или зубов. Местная фауна уже наведывалась.

Между контейнерами лежали обломки. Что-то похожее на погрузчик, только разобранный на части. Куски обшивки, наверное от шаттла, может, от чего-то другого. Трубы, провода, панели с мёртвыми экранами. Технологический мусор, свезённый сюда со всего сектора.

Моя капсула стояла в центре. Покорёженная, с лежащим рядом трупом раптора.

— Что это за место? — спросил я, обходя очередной контейнер. — Кто его организовал?

Ева шла рядом. Вернее, плыла, её ноги не касались земли. Голограмма не оставляла следов.

— Несанкционированная точка утилизации, — сказала она. — Судя по логистическим кодам на контейнерах, сюда свозили списанное оборудование с «Восток-4» и нескольких мобильных баз. Официально — для переработки.

— А неофициально?

— Неофициально — это чёрный рынок, Кучер. Запчасти от Аватаров стоят дорого. Особенно такие, как твой «Трактор» — старые модели, которых больше не выпускают. Кто-то в логистике решил срубить бабла.

— И моя капсула...

— Была частью партии. Списана как «неисправная, непригодная к эксплуатации». Но внутри лежал ты. Полагаю, тот, кто организовал вывоз, не знал о тебе. Или знал и ему было плевать.

— И почему аватара тогда не забрали и он провалялся тут? — спросил я.

— Откуда я знаю, Кучер! Я помощник, а не Пифия. И уж тем более на мне нет генеральских погон, чтобы отдавать такие приказы.

Так, я лежал в этой жестянке две недели, пока меня везли на свалку, как сломанный холодильник. А потом бросили здесь на радость местным хищникам.

— Как выжил Аватар?

— Я держала тебя в стазисе. Это моя основная директива — сохранение жизни оператора любой ценой. Капсула была повреждена при транспортировке, основные системы вышли из строя. Но аварийное питание работало. Едва-едва.

Она помолчала, потом добавила:

— Если честно, Кучер, это было на грани. Ещё пару дней и батареи капсулы сели бы. Ты бы не проснулся.

Я посмотрел на неё. Голограмма смотрела в сторону будто не хотела встречаться взглядом.

— Спасибо, — сказал я. — За то, что держала.

— Это работа.

— Всё равно.

Она кивнула. Быстро, почти незаметно.

— Мне было одиноко, — сказала она тихо. — Эти две недели я слышала только шумы джунглей и сигналы от твоего мозга. Я не знала, проснёшься ты или нет. Просто... ждала.

Программа. Набор алгоритмов в нейрочипе. Но голос звучал почти человеческим.

— Теперь не одна, — сказал я. — Пошли искать штаны.

Одежду я нашёл в третьем контейнере.

Первый был пустой. Только ржавчина, грязь и мёртвые насекомые. Здешние насекомые были своеобразны. Некоторые размером с ладонь, с жёсткими панцирями и слишком большим количеством ног. Даже дохлые они выглядели угрожающе.

Второй контейнер оказался забит трубами и фитингами. Инженерные запчасти, бесполезные без остального оборудования. Хотя, я отложил пару деталей в сторону. Позже разберусь, может, пригодятся.

В третьем нашлась списанная форма. Стопки одежды, сваленные кое-как.

Я выбирал тщательно.

Штаны камуфляж старого образца, армейский. Ткань плотная, с усилениями на коленях. Потёртые, но целые. Размер почти мой, чуть великоваты в талии, но ремень решит проблему.

Куртка тяжёлая, с подкладкой. Потертая, но карманы были целые, швы не разошлись. Сойдёт.

Ботинки чёрные берцы. Неубиваемые. Единственное, что выглядело весьма и весьма прилично на мне.

Разгрузка старая, потрёпанная, с пустыми подсумками. Но крепления рабочие. Можно навесить снаряжение.

Я оделся. Форма сидела странно, поскольку «Трактор» был шире в плечах и уже в талии, чем те, для кого её шили. Но пойдти ещё посреди джунглей найди, что получше. Посмотрю я, как получится.

В кармане куртки нашёл записку. Мягкий листок, исписанный корявым почерком: «Маше позвонить, день рождения 14-го».

Я смотрел на эти буквы несколько секунд.

Кто-то носил эту куртку. Кто-то, у кого была Маша. Кто-то, кто собирался позвонить на день рождения. Четырнадцатого.

А сегодня двадцать первое. Позвонил ли?

Я сложил записку и убрал обратно. Не моё дело. Но почему-то выбросить рука не поднялась.

Нож нашёлся в соседнем контейнере.

Не боевой. Скорее технический, для резки кабелей и прочей инженерной работы. Лезвие широкое, тяжёлое, сантиметров двадцать. Рукоять прорезиненная, с насечками для хвата. Ржавчина у основания, но заточка держалась.

Я взвесил его в руке. Баланс так себе, слишком тяжёлый к острию. Но в умелых руках и такой сойдёт.

— Кучер, — позвала Ева. — Посмотри сюда.

Она стояла у края поляны, указывая на что-то в траве. Я подошёл и увидел, что там валяется кусок зеркального пластика. Обломок от приборной панели, я узнал характерную текстуру. Поверхность грязная, в разводах, но достаточно чистая, чтобы отражать.

Поднял его и увидел... его.

Лицо-то было моё. Те же черты: разрез глаз, линия челюсти, форма носа. Я узнавал себя, но одновременно и не узнавал.

Молодое лицо. Это первое, что бросилось в глаза. Лет двадцать пять, не больше. Гладкая кожа без морщин. Лоб без тех складок, которые появились после Судана. Уголки глаз без «гусиных лапок», которые я носил последние двадцать лет.

Тёмные густые волосы без единой седой пряди. Я провёл рукой: жёсткие, коротко стриженные. Не мои. Мои давно стали серебряными.

На меня смотрел я сам образца тридцатилетней давности. До всех войн.

Но кое-что было не так.

На виске, у самой линии волос, виднелся тонкий белёсый шрам. Старый, давно заживший. Я провёл по нему пальцем и ничего не почувствовал, никакой памяти, никакого отзвука.

Это не мой шрам. Я никогда не получал ранения в висок.

А на шее, чуть ниже уха, обнаружилась едва заметная татуировка. Выцветшая, почти стёршаяся, похожая на какой-то символ или букву. Я точно ничего там не набивал. Никогда.

Чужие отметины красовались на моём новом теле.

— Ева, — сказал я, не отрывая взгляда от отражения. — Этот аватар точно новый?

— «Трактор» инженерной серии, — она помедлила с ответом. — Данные о предыдущей эксплуатации отсутствуют в моей базе. Официально числится как «новый, не введённый в эксплуатацию».

— Официально.

— Официально, — повторила она, и в её голосе мне послышалось что-то похожее на неуверенность.

Я ещё раз посмотрел на шрам. На татуировку. На молодое лицо, которое было моим и одновременно чужим.

Аватары могли иметь несколько операторов, если еще функционировали — это нормальная история в эпоху капитализма. Никто не будет выбрасывать рабочую лошадку, если закончился контракт у прошлого хозяина.

Но списанный аватар на свалке посреди джунглей со следами, которых быть не должно — это странно

И интересно как вообще на меня это повлияет.

Но разбираться с этим буду потом. Сейчас есть дела поважнее.

— Психосоматическая адаптация, — сказала Ева, явно пытаясь сменить тему. — Это стандартный эффект. Био-оболочка подстраивается под ментальную матрицу оператора, но корректирует дефекты.

— Корректирует?

— Шрамы, возрастные изменения, хронические травмы. Всё, что мозг воспринимает как «неправильное» или «повреждённое». Аватар сглаживает эти искажения, приводя внешность к оптимальной версии.

— К тому, как я себя вижу?

— Молодым, здоровым, сильным. Без следов того, что тебя ломало. Поэтому лицо твоё, но моложе. Тело подстроилось под твой идеальный образ себя.

Я смотрел в отражение. Молодое лицо смотрело в ответ, и только чужой шрам на виске портил картину.

Значит, все, кто сюда попадает, выглядят как улучшенные версии себя. А это значит, что я смогу узнать Сашку. И всех старых знакомых тоже, а их тут хватало, многие отправлялись осваивать новые территории в последние годы.

— Ты сейчас лучшая версия себя, — сказала Ева. — Поздравляю.

Я бросил зеркало на землю. Пластик звякнул о камень, но не разбился.

— Хрен там, — сказал я. — Я — это я. А это, — я похлопал себя по груди, чувствуя под ладонью чужой шрам и чужую татуировку, — инструмент. Скафандр. Не путай.

— Философия? — Ева подняла бровь. — Сейчас?

— Важно помнить, кто ты. Иначе потеряешься.

Она внимательно посмотрела на меня. Будто пыталась что-то понять.

— Ладно, философ, — сказала она наконец. — Что делаем дальше?

— Пойдём мародёрить. Заберем отсюда максимум полезного, нам нужно собирать стартовый капитал.

— Думаю на этой свалке много полезного...

Договорить она не успела. Осеклась, обернулась и уставилась вдаль.

Тут и до моего слуха дошло — отдаленный рев мотора. Да у нас гости в человеческом облики.

Это было прекрасно. Потому что пиликать до «Восток-4» на своих двоих мне совсем не улыбалось.

Нет, мне, конечно, хотелось получше познакомиться с местной флорой и фауной. Но все же можно это сделать не так резко, а постепенно.

— Кучер, тебе лучше спрятаться, — прервала размышления Ева.

— Чего? — у меня аж складка на лбу разгладилась. — Я еще никог...

— Прячься, командир, — шикнула Ева. — Это мародеры. Охотники на Аватаров!

Глава 3

Позицию я выбрал в корнях огромного пня, торчавшего на краю поляны. Когда-то здесь стояло дерево, одно из тех мастодонтов где-то в шестьдесят метров высотой, которыми был утыкан весь этот лес.

Кто-то или что-то его свалило, и от ствола остался только комель с растопыренными корнями. Между ними образовалась естественная ниша: тёмная, прикрытая сверху переплетением лиан и молодой порослью, с хорошим обзором поляны через просвет между двумя корневыми отростками.

Идеальная позиция.

Наверху, на любом другом дереве удобно было бы наблюдать, но неудобно отступить. Если тебя заметили на дереве, ты мишень, и белка в ловушке. А из-под корней можно уйти в подлесок за три секунды, раствориться в папоротниках и пропасть.

Я забрался в нишу, подтянул ноги и замер. Нож держал в правой руке. Дыхание ровное, глубокое. Сердце «Трактора» стучало медленно и мощно, как дизельный движок на холостых.

— Ева. Что у нас? Доложи обстановку.

— Звуковая аномалия, — официальным тоном сказала она. — Механический шум с северо-запада, примерно полтора километра. Двигатель внутреннего сгорания, судя по частоте. Приближается.

Последнее и так было понятно, можно было не уточнять. Больше интересовало сколько у меня времени.

— Скорость?

— Около двадцати километров в час. Для местного бездорожья это быстро. Кто бы они ни были, у них серьёзная машина.

— Серьёзная машина это серьёзно.

— Они едут прямо на нас. Точнее, на свалку. Думаю, они знают об этом месте.

Грязь на Терра-Прайм кстати тоже была особенной.

Не та серая безликая субстанция, которую можно найти на любой стройке в Подмосковье. Здешняя грязь жила своей жизнью.

Она воняла прелой листвой и ещё чем-то сладковатым, для чего у меня не было названия. Может, так пахнет мир, где органика разлагается и рождается заново быстрее, чем на Земле.

Я зачерпнул пригоршню и размазал по лицу.

Холодная. Зернистая. Мелкие песчинки скрипели на коже «Трактора», забивались в поры синтетической кожи, в микроскопические щели между пластинами мышечного каркаса. Не самое приятное ощущение, но привычное.

Маскировка грязью стара как сама война.

Человеческое тело воняет для хищника за километр, а Аватар, скорее всего, воняет ещё хуже: синтетика, металл, смазка. Грязь забивает всё.

— Кучер, что ты делаешь? — поинтересовалась Ева с интонацией человека, наблюдающего за душевнобольным.

— Маскируюсь.

— Обмазываясь грязью? Серьёзно? У тебя био-синтетическая оболочка и ты её...

— Именно.

Я нанёс второй слой на шею и плечи, потом прошёлся по рукам, стараясь покрыть каждый открытый участок кожи. Лицо, уши, затылок. Везде, где блестит, где отражает свет, где может привлечь взгляд.

Старая школа. Ещё в учебке нас учили: прежде чем прятаться, стань частью ландшафта. Не просто сядь в кусты, а стань кустом. Чтобы глаз скользил мимо, не цепляясь. Чтобы мозг наблюдателя говорил «куст» и шёл дальше.

Покончив с этим, я прижался спиной к корню и стал ждать. Бежать смысла не было, только суету наводить. А вот посмотреть кто в гости пожаловал — милое дело. К тому же машина — это колеса. Колеса — это «Восток-4» через полчаса, а не через три часа пешего марша с риском стать чьим-то ужином

Ждать я умел. Тридцать лет в армии учат многому, но главное — это терпение. Тупое, монотонное терпение, когда ты лежишь третий час подряд, потому что позицию менять нельзя, а мочевого пузырь не казённый. Когда у тебя затекли ноги, спину ломит, а нос забился сырой землёй и прелыми листьями, и ты думаешь только об одном: не шевелись.

Звук приближался.

Сначала далёкий гул, похожий на жужжание особо крупного насекомого. Потом низкое рычание мотора, хруст веток под колёсами, лягз чего-то металлического.

Это точно был тяжелый грузовик.

На поляну он выехал через просеку с южной стороны, ломая молодую поросль бампером.

Грузовой вездеход-пикап. Массивная рама, широкие колёса с грунтозацепами, приподнятая подвеска. Кузов открытый, с наваренными бортами из стальных листов.

Кустарная броня покрывала кабину: грубо нарезанные пластины, приваренные внахлёт, с просветами для обзора. На крыше кабины торчала «люстра» из четырёх мощных прожекторов, сейчас выключенных. А в кузове, на самодельном станке из сваренных труб, стоял крупнокалиберный пулемёт.

Я присмотрелся.

Хм, это «Корд».

Или его местная копия. Калибр двенадцать и семь. Машинка, которая прошивает лёгкую бронетехнику навывлет, а человеку, даже в Аватаре, отрывает конечности с одного попадания.

Вездеход остановился у края поляны, метрах в тридцати от моего укрытия. Мотор работал на холостых, выплёвывая сизый дым из выхлопной трубы. Пахло соляжкой и горелым маслом. Знакомый, почти родной запах.

Там находилось три человека.

Первым я оценил пулемётчика, потому что он представлял главную угрозу. Коренастый тип в потёртом тактическом жилете, руки на рукоятках пулемёта, ствол которого медленно ходит по сектору. Плавно, без рывков.

Он явно не новичок. И контролировал поляну с ленивой уверенностью хищника, который знает, что сильнее всех в округе.

Водитель вышел вторым. Невысокий жилистый мужик лет сорока, с обветренным лицом и короткой щетиной. Движения экономные, ни одного лишнего жеста. Он не оглядывался по сторонам, выискивая хищников, а просто стоял, втягивая воздух носом, как охотничья собака на стойке.

Правая рука расслабленно лежала на рукояти автомата, висевшего на одноточечном ремне поперёк груди. АК сотой серии, если я правильно рассмотрел. Потёртый, с обмотанной изолентой рукоятью и каким-то кустарным обвесом на цевье.

Третий пассажир, выскочил из кабины последним. Молодой парень, длинный, нескладный, с суетливыми движениями человека, которому не хватает опыта, чтобы маскировать нервозность.

Голова дёргалась, как у воробья, глаза перескакивали с предмета на предмет. Автомат такой же, сотая серия, но висит неудобно, болтается, бьёт по бедру при каждом шаге.

Три цели.

Мозг автоматически начал расставлять приоритеты. Первый номер: пулемётчик. Без него это грозное оружие превращается в бесполезную железяку.

Второй: водитель, он же лидер, он же главная угроза в ближнем бою.

Третий: молодой, и он наименее опасен, но непредсказуем, а непредсказуемость иногда хуже профессионализма.

— Три цели, — голос Евы прозвучал в голове, и я готов был поклясться, что она потирала руки, пока это говорила. — Уровень угрозы средний. Аватары класса «Сяо-Мяо», китайский ширпотреб, дешёвая серия. Реакция замедленная, мышечная масса ниже нормы. Кучер, мы можем их взять! Ты тяжёлый класс, порвём как грелки!

— Цыц.

— Что?

— Я к этому телу пять минут как привык, — я смотрел на пулёмёт в кузове через просвет между корнями, прикидывая сектор обстрела. — А там «Корд» двенадцать на семь. Он меня пополам перепилит вместе с моей «тяжёлой» бронёй. На дистанции в тридцать метров эта штука прошьёт «Трактор» навывлет, не заметив. Вместе с деревом за моей спиной.

— Но их аватары слабее!

— Аватары слабее. Пулёмёт нет. Так что наблюдаем.

Ева замолчала. Обиженно или разумно, я не стал разбираться. Главное, что замолчала.

Водитель-лидер обошёл вездеход, остановился у капота и осмотрел поляну. Взгляд его задержался на моей разбитой капсуле, и он неспешно двинулся к ней.

Молодой засеменил следом, стараясь держаться за спиной лидера.

— Шеф, — молодой вытянул шею, заглядывая в капсулу из-за плеча, — шеф, она пустая! Ну я же говорил! Кто-то нас опередил!

Лидер не ответил. Он присел на корточки рядом с капсулой, провёл пальцем по краю рваного отверстия и внимательно осмотрел металл. Потом поднялся, отряхнул руки и посмотрел на молодого с выражением терпеливого презрения.

— Не истери, Мурзик. Посмотри на края.

— Ну, края. И чего?

— Вывернуты наружу. Не внутрь, наружу. Видишь? Это значит, что «консерву» вскрыли изнутри. Или она сама вскрылась. Никто нас не опередил.

— А..., а куда делся аватар?

Лидер не ответил и на этот вопрос. Он уже заметил тушу раптора и подошёл к ней. Присел, осмотрел голову с разможжённым основанием черепа, потрогал труп, от которого здешние мухи-переростки поднялись жужжащим облаком.

Потом встал и повернулся к молодому с нехорошей ухмылкой:

— Опа. А вот и бонус.

— Чего?

— Ютараптор. Самка. И смотри-ка, убита чисто: трубой в шею, перебит позвоночник. Три удара, не больше. Ещё тёплая.

Лидер достал нож. Широкий, с зазубренным обухом. Присел на корточки у туши и одним привычным движением вскрыл брюхо от грудины до паха.

Внутренности вывалились на траву. Лидер запустил руку в разрез, пошарил, нащупал что-то и вытащил.

Тёмно-бордовый комок размером с кулак. Похожий на печень, но с характерным металлическим отблеском.

— Надпочечник, — сказал лидер, любуясь добычей. — Целый. Тысяч на пятьдесят потянет. Если найти правильного покупателя.

Мурзик смотрел на железу с тем выражением, с каким смотрят на чужие деньги.

— О-о! Халява! — протянул он.

Лидер вытер нож о шкуру раптора и поднялся.

— Ева, — прошипел я одними губами, так тихо, что сам едва слышал. — Какого хрена?

— Чего? — её голос в голове звучал невинно.

— Железа стоит пятьдесят тысяч. Почему не сказала?

— Потому что это нелегально, Кучер. Добыча органов хищников — статья. Пять лет минимум.

— Он на меня напал. Я его убил в самообороне. Имел полное право выпотрошить.

— Право убить — да. Выпотрошить тоже — да. А вот права продать внутренности у тебя не было. Закон разделяет эти вещи. Я не могу рекомендовать оператору противоправные действия.

— Деньги мне нужны, Ева. Позарез.

Это было так. В этом мире у меня ничего не было, а хорошая снаряга и патроны с неба не падают. Нет, ну иногда падают, конечно. Но с кредитами на кармане все же проще достать что-то уникальное.

Если есть возможность хорошо экипироваться, то не нужно ей пренебрегать. Нам еще с Сашкой выходить отсюда. Когда я его найду.

— Тогда в следующий раз сам догадайся. Я — военный ИИ, а не консультант по чёрному рынку, — процедила Ева.

Я стиснул зубы. Пятьдесят тысяч валялись буквально под ногами, а я прошёл мимо.

Ладно. Будет мне урок на будущее.

Молодой Мурзик тем временем побледнел, хотя на синтетической коже китайского аватара это выглядело скорее как лёгкое посерение.

— Это получается тот аватар сделал? Из капсулы? Голыми руками? — забормотал он.

— Не голыми. Трубой. Но да, руками, — лидер обвёл взглядом поляну, медленно, внимательно, как человек, привыкший замечать то, что другие пропускают. — Значит, он где-то рядом.

Его взгляд скользнул по моему укрытию. По корням, по просветам, по тёмной нише между ними.

Я не дышал.

Секунда. Две. Три...

Взгляд пошёл дальше. Грязь на лице и теле сделала своё дело: для его глаз я был просто ещё одной тенью в переплетении корней.

— Но он пеший и пустой, — лидер сплюнул на землю и потерял к теме интерес. — Сука, сбежал. С оператором внутри, это максимально проблемная зараза... Хрен с ним. Может по дороге где найдем. Грузим тушу, на базе разделаем нормально. И мешки заberi, Мурзик, они у кромки, где оставляли в прошлый раз.

— Какие мешки?

— Синие. Гермаки. Ты такие же в прошлый раз забирал, балда.

Молодой закивал с преувеличенным рвением и потрусил к краю поляны, где из-под разлапистого папоротника торчали углы ярко-синих мешков.

Лидер вернулся к вездеходу и махнул пулемётчику. Тот кивнул, не отрывая рук от рукояток, и лидер полез в кузов за лебёдкой.

Загрузка началась.

Лебёдка взывала, натягивая трос, и туша раптора поползла по земле к вездеходу, оставляя за собой широкую борозду и шлейф из потревоженных насекомых. Тысяча двести с лишним килограммов мёртвого мяса, чешуи и костей. Стальной трос скрипел от натуги, лебёдочный мотор захлёбывался на высоких оборотах.

Пулемётчик отвлёкся. Не сильно, но его внимание раздвоилось между контролем периметра и процессом погрузки. Он придерживал трос одной рукой, следя, чтобы тот не перелестнулся на барабане.

Я отметил это. Профессиональная деформация: любой момент, когда противник ослабляет бдительность, записывается в мозг как «окно возможности». Даже если пользоваться этим окном ты не собираешься.

Молодой Мурзик добрался до синих мешков и начал вытаскивать их из-под папоротника.

— Малой, шевели булками! — крикнул лидер из кузова, направляя тушу раптора по борту. — Мешки давай, быстро!

— Да иду я, иду! Тяжёлые они, блин...

Он выволок первый мешок на открытое пространство и пошел ко второму.

И тут Ева крикнула.

И её голос резанул по и так натянутым нервам, как сигнал боевой тревоги:

— Скачок движения! Сектор девять! Быстрая биосигнатура, масса свыше тонны, дистанция двадцать метров и сокращается!

Из джунглей вылетела тень.

Она двигалась так быстро, что глаз не успевал зацепиться. Тёмное размазанное пятно, рассекающее подлесок без единого звука. Ни хруста веток, ни шелеста листьев.

Молодой Мурзик стоял спиной к джунглям, обеими руками вцепившись в ляжку синего мешка.

Он даже не успел обернуться.

Раптор обрушился на него сверху, сбив с ног одним ударом. Массивные задние лапы с серповидными когтями вонзились в спину, прижав к земле. Молодой успел только коротко выдохнуть, будто из него выбили воздух, и раптор сомкнул челюсти на его шее.

Хруст позвонков был отчётливо слышен даже с моей позиции.

Мурзик дёрнулся один раз и затих.

Всё заняло меньше двух секунд.

— Второй ютараптор. Самец, — объявила Ева.

Крупнее убитой мной самки, заметно крупнее. Тело длиннее, мускулатура массивнее, и вдоль всего черепа шёл яркий костяной гребень, переливающийся оранжевым и алым. Брачный гребень. Маркер самца в паре.

Парные охотники. Конечно. Ютарапторы охотятся парами. Я убил самку, и самец пришёл искать свою подругу.

И нашёл.

Раптор стоял над телом Мурзика, но не смотрел на него. Он смотрел на кузов вездехода, где лежала туша его самки, полузатянутая лебёдкой.

Тварь наклонила голову набок. Ноздри раздулись, втягивая воздух. Гребень на голове потемнел, налился багровым.

И раптор закричал. Так громко, что у меня аж заныли зубы.

— Ствол! — заорал лидер. — Клади его! Быстро!

Пулемётчик развернулся, схватился за рукоятки и нажал на гашетку.

Клик!

Клик-клик!

Тишина.

Лента перекосилась, где-то на стыке патронной коробки зажевало звено. Может, при погрузке сдвинулось. Может, раньше. Не важно. Пулемёт превратился в бесполезную декорацию.

— Суууука! — пулемётчик рванул крышку ствольной коробки, пытаясь добраться до перекошенной ленты.

Раптор увидел движение и бросился.

К тому, что лежало в кузове. К мёртвой самке. Он бил по земле когтистыми лапами, разгоняясь до немыслимой скорости, и каждый его шаг оставлял в грунте глубокие рваные борозды.

Лидер никогда не стал бы героем. Он прыгнул за руль и вдавил педаль газа.

Вездеход рванул с места, пробуксовывая в мягком грунте, выбрасывая из-под колёс фонтаны грязи. Пулемётчик в кузове чуть не вылетел за борт, вцепился в станок пулемёта обеими руками. Лебёdochный трос, натянутый до звона, крепко держал тушу самки, и та подпрыгивала на кочках, как чудовищная тряпичная кукла со свисшей головой.

Раптор несся следом, вытянув тело в горизонтальную стрелу, хвост прямой, как балансир, лапы мелькали так быстро, что сливались в размытое пятно. На такой скорости он догнал бы олимпийского гепарда и обогнал его на втором дыхании.

Вездеход уходил по просеке, раскачиваясь на ухабах. Мотор ревел на пределе. Раптор ревел следом, его багровый гребень пылал вдалеке, как сигнальная ракета.

Звуки удалялись. Надсадное рычание двигателя, визг зверя, хруст ломающихся веток. Всё дальше, дальше. Через минуту шум стал фоновым, через две слился с общим гулом джунглей.

Потом стих совсем.

Тишина.

Только насекомые жужжали как ни в чём не бывало. Где-то в кроне прокричала мезозойская птица. Мир проглотил людей и зверя, и ему было абсолютно плевать на всё, что только что здесь произошло.

Я выждал ещё немного.

Потом выбрался из укрытия.

— Ты знала, что их двое? — спросил у Евы.

Я стоял посреди поляны, глядя на тело молодого Мурзика. Точнее, на то, что от него осталось. Раптор не стал есть, только убил. Укус перебил шейные позвонки, задние когти вспороли спину от лопаток до поясницы. Быстрая смерть.

— Почему не предупредила? Я мог быть на месте этого пацана.

Ева все еще молчала. Когда она заговорила, в её голосе уже не было обычной бодрости.

— Думала, ты образованный. Ютарпторы парные охотники, это есть в базовом курсе ксенобиологии. Первая глава, второй параграф. Если ты убил самку, самец будет искать.

— Я не проходил базовый курс ксенобиологии, Ева. Меня запихнули в «Трактор» и выбросили на свалку.

— Тоже верно.

— Так ты знала?

Длинная пауза.

— Я подозревала. Но подтверждённых данных о присутствии второй особи у меня не было до момента атаки. Сенсоры «Трактора» не рассчитаны на быстрое сканирование. Это инженерная модель, Кучер. Она создавалась, чтобы мосты строить, а не хищников выслеживать.

— То есть ты не успела.

— Я не успела. И мне... — она запнулась, — мне жаль.

— Ладно. Проехали. Сколько у нас времени?

— Самец будет преследовать тех, кто увёз его самку. Если они его не пристрелят, он побежит за грузовиком, пока не выдохнется. Десять минут, может, пятнадцать. Потом он может вернуться по своему следу к первому трупу. К нам.

— Значит, десять минут туда, десять обратно, всего двадцать. Работаем.

Я подошёл к телу.

Мурзик, или как его там звали на самом деле, лежал лицом вниз в подлеске, и его разодранная спина уже привлекала мелких падальщиков. Какие-то жуки с переливчатыми панцирями деловито ползли по ранам.

Профессионализм в том, чтобы делать то, что нужно, не тратя время на то, что чувствуешь.

Сначала я забрал синие мешки. Два гермомешка, плотных, из какого-то местного аналога нейлона. Тяжёлые, килограммов по десять каждый, и внутри что-то глухо звякало при каждом движении.

Я не стал открывать их сейчас. Если за ними целенаправленно приехали с пулеметом, значит в них точно что-то ценное. Потом посмотрю. Когда будет время и безопасное место.

Потом обыскал тело.

Автомат Мурзика лежал в трёх метрах от трупа, в кустах, куда его отбросило при атаке. Раптор наступил на него задней лапой и согнул ствольную коробку в подкову. Бесплезен.

Зато в набедренной кобуре нашёлся пистолет. Небольшой, компактный, с коротким стволом и потёртой рукоятью. «Грач», если я не ошибался, или его местная копия. Калибр 9×19, тринадцать патронов в неполном магазине. Я проверил: затвор ходил плавно, патрон в патроннике.

Четыре запасных магазина в подсумке на поясе. Ещё семьдесят два патрона.

Для местной фауны это как горохом об стену. Разве что в глаз попасть или самому застрелиться. Но против людей сойдет.

Фляга с водой, почти полная. Я открыл крышку и понюхал: чистая, без примесей. Сделал глоток. Вода была тёплой и безвкусной, но «Трактор» принял её с благодарностью, и я почувствовал, как сухость в горле отступает.

Нож я оставил свой, технический. Этот мне уже нравился.

Пять индивидуальных перевязочных пакетов, которые я рассовал по карманам разгрузки. Моток тонкой стальной проволоки, найденный не на теле, а рядом, на свалке, среди обломков. Я подобрал его, прикинул длину и вес. Метров двадцать, мягкая, легко гнётся. Идеально для растяжек.

Проволока для сапёра, что кисть для художника. С ней можно творить.

— Семь минут прошло, — сообщила Ева. — Отличный темп, Кучер. Ты прирождённый мародёр.

— Я хозяйственный.

— Называй как хочешь. Только поторопись.

Я окинул поляну последним взглядом. Разбитая капсула, кровь на траве, следы протекторов вездехода и борозда от волочённой туши. Через час джунгли начнут всё это переваривать. Через день не останется ничего.

— Уходим, — сказал я. — Но не по дороге.

— Разумно. Маршрут через лес, в обход просеки построен. Двенадцать километров до сигнала «Восток-4». Добавляю обходной, получается четырнадцать.

— Годится.

Я затянул стропы на горловинах, связал попарно и закинул мешки за спину. Двадцать кило повисли между лопаток, стропы врезались в плечи. Терпимо. Проверил пистолет в кобуре, поправил нож на поясе и шагнул в подлесок, оставляя поляну за спиной.

Уходил не по просеке, по которой приехал вездеход.

Просека — это дорога. Дорога — это предсказуемость. Если лидер и пулемётчик переживут встречу с разъярённым самцом, они вернутся за мешками и за телом Мурзика.

Вернутся по той же просеке, потому что другой дороги для тяжёлой машины здесь нет. И если я буду на ней, встреча получится неприятной для всех, но в первую очередь для меня. У них «Корд», у меня «Грач». Арифметика вооружения не в мою пользу.

Поэтому я ушёл на восток, в самую гущу подлеска, продираясь через папоротники в человеческий рост и лианы толщиной с буксировочный трос.

Через сотню метров наткнулся на звериную тропу — узкую просеку, протоптанную чем-то крупным. Следы на влажной земле были размером с тазик для стирки, трёхпалые, глубокие, с чётким оттиском когтей.

Травоядное, судя по форме стопы, равномерному давлению на грунт и расстоянию между отпечатками — зверь шёл спокойно, не убегал. Хороший знак: если тропой регулярно пользуется что-то большое и мирное, значит, крупных хищников здесь не так много.

Или они просто охотятся не на тропах.

Так что не обольщайся, Кучер.

— Ева, — сказал я, перешагивая через поваленный ствол, покрытый ярко-зелёным мхом. — Те люди на вездеходе. Кто они?

— «Мусорщики», — ответила она. — Вольные старатели. Хотя «старатели» — это сильно сказано. Скорее, бандиты с лицензией на выживание.

— Подробнее.

— На Земле хватает подпольных контор, которые организуют «серые туры» на Терра-Прайм. Схема простая: покупают списанные аватары у китайцев. «Сяо-Мяо» и прочий ширпотреб, тот, что разваливается через полгода. Закидывают клиентов из других стран через неофициальные порталы. Дальше клиенты сами по себе.

— Неофициальные порталы?

— «Серые». Не корпоративные. Их ставят частники, мелкие синдикаты, иногда даже одиночки с доступом к оборудованию. Качество связи хуже, процент потерь при переносе выше, чем на государственных. Зато никаких контрактов, никаких обязательств и никаких неудобных вопросов. Пришёл, заплатил, перенёсся. Что дальше делаешь на той стороне, исключительно твоё дело.

— И чем они тут занимаются?

— Всем, за что можно получить кредиты. Грабят свалки вроде нашей, разбирают списанную технику на запчасти. Охотятся на дикую фауну, если хватает пороху. Нападают на слабые конвои между базами. Иногда нанимаются к местным «баронам».

— Баронам?

Ева помолчала, подбирая формулировку. Я заметил, что она это делает, когда тема сложнее, чем кажется.

— Терра-Прайм — большая планета, Кучер. Корпорации контролируют территории вокруг своих баз, зелёные и жёлтые зоны. Это, может, процентов пять от общей площади освоенного пространства. Всё остальное — серая зона. Формально ничья, фактически она поделена между полевыми командирами, которые окопались тут достаточно давно, чтобы обрасти людьми, оружием и влиянием. Их и называют «баронами». У каждого свой сектор, свои правила, свои расценки. Кто-то торгует, кто-то грабит, кто-то делает и то и другое. Закон Корпорации здесь не работает. Здесь работает право того, у кого ствол крупнее.

— И пулемёт двенадцать и семь.

— Именно.

Я обогнул особенно густое переплетение лиан, свисавшее с нижних ветвей как зелёная портьера, и вышел на относительно свободный участок тропы. Здесь деревья стояли чуть реже, и сквозь щели в кроне пробивались широкие столбы солнечного света.

Пылинки и мелкие насекомые танцевали в них, создавая эффект витражей в каком-нибудь готическом соборе. Если бы этот собор пах гнилой листвой и мокрой шерстью.

— Значит, «Восток-5» в блокаде не только из-за америкосов?

— Вполне возможно, что местные бароны тоже приложили руку. «Восток-5» сидит на богатых залежах. Там эндемики, которых больше нигде на планете нет. Уникальные железы,

минералы и биохимия. Кто контролирует этот сектор, тот задаёт цены на рынке. Корпорации это не нравится, баронам не нравится Корпорация, американцам не нравятся все, кроме себя. Европейцы смотрят им в рот, а китайцы пытаются получить свой кусок пирога. Многоугольник, где каждый держит нож у горла соседа.

— А мой сын посредине.

— У тебя есть сын? — спросила Ева без обычного сарказма. — Он на Терра-Прайм?

Я не стал отвечать. Умная девочка не стала спрашивать.

Некоторое время мы шли молча. Мне нужно было подумать, а думать на ходу у меня получалось лучше, чем сидя. Старая привычка: ноги работают, голова работает.

Между «Восток-4» и «Восток-5» три горных хребта, две реки, серая зона, бароны, хищники и чёрт знает что ещё. А у меня пистолет, нож, моток проволоки и два мешка, содержимое которых я даже не знаю.

Весёлая арифметика.

Но каждый маршрут начинается с первого километра. А каждый мост разрушается с первой правильно заложенной шашки. Не думай обо всём сразу, думай о следующем шаге.

Следующий шаг — добраться до сигнала «Восток-4». Найти людей, которые не захотят меня ограбить или убить. Достать нормальное оружие, снаряжение, информацию. А дальше — дальше видно будет.

«Трактор» пёр через подлесок, как бульдозер, ломая стебли папоротников грудью и раздвигая лианы широкими плечами. Тяжёлая инженерная модель не была создана для изящного лесного скрадывания, каждый мой шаг вминал грунт на добрые пять сантиметров, оставляя следы, которые мог бы прочесть и слепой.

Зато скорость была приличная, шесть километров в час по бездорожью, и мышцы не уставали. Высокий кислород делал своё дело: лёгкие «Трактора» работали мощно и ровно, каждый вдох наполнял кровь энергией.

Джунгли жили вокруг нас своей жизнью, которой не было до нас никакого дела.

Что-то мелкое и зубастое пронеслось по ветке над моей головой, цокая коготками по коре, и я проводил его взглядом. Существо размером с крупную кошку, покрытое пёстрыми перьями — зелёными, жёлтыми, с алыми вкраплениями.

Длинный жёсткий хвост с веером на конце работал балансиром, пока зверёк несся по ветке с ловкостью белки. Он остановился, уставился на меня круглыми глазами-бусинами, раскрыл пасть, полную мелких игольчатых зубов, зашипел с такой яростью, будто я оскорбил его мать, и скрылся в листве.

— Компсогнат, — сообщила Ева. — Мелкий хищник, безопасен для аватаров. Питается насекомыми и мелкими ящерицами. Но укусить может больно, если загнать в угол.

— Не собираюсь.

В кустах слева что-то большое тяжело вздохнуло и зашуршало, удаляясь. Я положил руку на кобуру, но Ева молчала, и я убрал руку. Если бы угроза была серьёзной, она бы отреагировала. Наверное.

Мы прошли ещё около часа.

Местность постепенно менялась. Лес стал гуще, деревья — ещё выше, а подлесок — темнее. Солнечный свет почти не пробивался сквозь верхний ярус, и под ногами хлюпала вязкая, пропитанная водой почва. Воздух стал тяжелее, гуще, к лесным запахам примешалось что-то болотное, тухловатое, с ноткой сероводорода.

Тропа вильнула, обогнула массивный корневой выступ и вывела к распадку между двумя пологими холмами, заросшими какой-то низкорослой порослью с мясистыми листьями.

— Кучер.

Голос Евы изменился. Бодрость и сарказм сошли на нет. Так обычно звучит диспетчер, когда на экране появляется что-то, чего быть не должно.

— Стоп, — сказала она.

Я замер. Нога зависла в воздухе, не завершив шаг.

— Что?

— Странная сигнатура, азимут двенадцать, дистанция около двухсот метров. Металл, бетон, структурированные объекты. Это не природное образование.

— Машина?

— Нет. Это строение. И Кучер... его здесь не должно быть.

Я медленно опустил ногу. Медленно присел на корточки, уменьшая силуэт.

Потом начал двигаться вперёд. Не по тропе, а параллельно ей, в подлеске, от ствола к стволу. Грязь на лице и теле подсохла коркой, но всё ещё держалась. Хорошо. Я и так оставляю слишком заметные следы для «Трактора», не хватало ещё сверкать чистой кожей.

Последние тридцать метров я полз.

Не потому, что обязательно. Скорее, по привычке. Когда приближаешься к неизвестному объекту, ты делаешь это так, словно объект заминирован, охраняется и ждёт именно тебя. Даже если это амбар посреди пустыни. Даже если это заброшенная хибара. Особенно если это что-то, чего «не должно быть».

Я раздвинул листья гигантского папоротника, каждый размером с дверцу платяного шкафа, и увидел.

Укрепление стояло на плоской вершине невысокого холма, расчищенного от растительности. Кто-то потратил серьёзные усилия, чтобы вырубить джунгли на площади примерно семьдесят на сто метров и удерживать периметр от наступления леса.

По краям расчистки торчали обрубки стволов с побегами молодой поросли, как бритая щетина на подбородке великана, и всё это уже зарастало травой и низким кустарником. Но расчистке было от силы несколько месяцев, не больше.

Забор был из серых бетонных блоков, уложенных ровно, аккуратно, на совесть. Высота метра два с половиной. Не монолитный бетон, а именно блоки, что указывало на ручную кладку. Кто-то привёз сюда материал и строил по старинке, без тяжёлой техники. Или с минимумом техники.

Я оценил кладку профессиональным взглядом. Не стандартный бетон, а модульные композитные блоки серии «Бастион». Такие привозят пустыми, они весят килограмм по десять, собираются в пазы, как конструктор, а потом внутрь заливается раствор или засыпается грунт с отвердителем.

Умно. Таковую стену можно поднять вчетвером за пару дней без всякого крана. Швы ровные, герметик свежий. Работал кто-то, кто знает толк в быстрой фортификации.

Слабые места: угловые стыки. Там, где два ряда блоков сходятся под углом, всегда есть напряжение. Правильно заложенная шашка в основание углового блока обрушит секцию метров в пять. Двух шашек хватит, чтобы открыть проход для штурмовой группы.

Я поймал себя на этой мысли и хмыкнул про себя. Рефлекс. Я ещё не знаю, кто внутри, а уже планирую, как рушить стены.

Сапёр ошибается дважды. Первый раз — при выборе профессии.

Поверх забора шла спираль колючей проволоки. Не «егоза», а обычная колючка, натянутая в три ряда на наклонных кронштейнах. Серьёзной преградой она не была: «Трактор» перекусит проволоку пальцами, если понадобится. Но сам факт её наличия говорил о том, что строители думали о защите. От чего? От кого?

— Быстро дошли, — сказал я. — Это «Восток-4»?

— Нет.

Голос Евы был тревожным по-настоящему, и это насторожило меня больше, чем сама находка. За всё время нашего знакомства, пусть и недолгого, Ева шутила, язвила, ёрничала, разводила сарказм и кокетничала. Но сейчас в её голосе не было ничего из этого. Только сухое напряжение.

— До «Восток-4» ещё семь километров к северо-востоку. Этого объекта нет на моих картах. Вообще нет.

— Ни в каких базах данных? — уточнил я.

— Ни в базах Корпорации, ни в открытых реестрах, ни в военной картографии сектора, ни даже в тех обрывках спутниковых данных, которые мне доступны. По всем источникам информации здесь чистый лес. Первичные джунгли, нетронутая территория. А тут бетон...

— Когда последний раз обновлялись спутниковые данные?

— Три месяца назад. Но Кучер, это не одноразовый лагерь, который поставили вчера. Судя по состоянию бетона и степени зарастания периметра, объект стоит минимум четыре-пять месяцев. Его должны были засечь при любом плановом сканировании.

— Но не засекли.

— Не засекли. Или засекли и не внесли в базу. Что ещё хуже.

Я обдумал оба варианта. Первый означал техническую ошибку или случайность. Второй означал, что кто-то намеренно скрывает существование этого объекта. А намеренное сокрытие — это уже не случайность. Это политика. Или что-то похуже.

Я снова посмотрел на ворота. Металлические створки, сваренные из стальных полос, грубовато, но крепко. На правой створке был выведен символ. Не краской, а прорезан в металле газовым резаком и обведён чем-то белым, то ли мелом, то ли известью.

С такого расстояния я видел его нечётко, но общие контуры различал. Не логотип «Рос-КосмоНедра», это точно. Их корпоративную эмблему, стилизованную букву «Р» в круге с орбитальными кольцами, я опознал бы и слепой. Здесь было другое. Что-то угловатое, с резкими линиями, похожее то ли на руну, то ли на стилизованный иероглиф.

— Символ на воротах, — сказал я. — Можешь идентифицировать?

— Разрешение недостаточное. Нужно ближе. Но могу сказать, что это не маркировка ни одной из известных мне фракций. И не бандитские метки мусорщиков, те обычно используют граффити, а не прорезную маркировку.

— Что-то новое?

— Да, что-то новое. Или очень старое. Мне это не нравится, Кучер.

Мне тоже.

Я ещё раз осмотрел укрепление. Тихое, пустое, аккуратное. Как мышеловка перед тем, как в неё заходит мышь.

«Трактор» весил полтора центнера и мог разнести эти ворота одним ударом. Пистолет в кобуре, нож на поясе, проволока в кармане. Не арсенал, но и не пустые руки.

Я перехватил нож поудобнее, прижимая лезвие к предплечью, режущей кромкой наружу. Старая хватка, ещё с учебки: так нож не видно со стороны, а бить можно и прямым, и обратным.

— Кучер, — позвала Ева. — Что делаем?

— Тише, — цыкнул я на нее, вслушиваясь.

Глава 4

Джунгли никогда не молчат. Здесь всегда слышны стрёкот, щебет, шелест листьев от ветра или от чего-то ползущего.

Но в самом аванпосте было тихо. Ни голосов, ни гула генератора, ни лязга металла. Ничего, что говорило бы о людях внутри.

Либо аванпост пуст. Либо в нём сидят те, кто умеет молчать.

Второй вариант нравился мне гораздо меньше.

Я прищурился, пытаюсь разглядеть детали. Глаза Аватара были лучше моих прежних, и расстояние в пятьдесят метров для них было как двадцать. На бетонных блоках я увидел следы от когтей. Глубокие, рваные борозды, уходящие наискось. Кто-то крупный пытался перебраться через стену и не смог.

На проволоке висели обрывки чешуи. Засохшие, свернувшиеся трубочкой.

А вот на земле перед воротами следов не было. Ни звериных, ни человеческих. Ветер и дождь давно всё смыли.

— Ева, — позвал я тихо. — Что видишь?

Она ответила не сразу. Я представил, как она обрабатывает данные, сканирует, анализирует. Хотя, скорее всего, это заняло у неё долю секунды, а пауза была чистой театральностью.

— Движения не фиксирую, — сказала она наконец. — Тепловых сигнатур за стенами нет. Но учти, Кучер, мои сенсоры работают через твои глаза и уши. Я не рентген. Что за бетоном, не знаю.

— Предположения может есть?

— Думаю, это заброшка. Причем люди ушли достаточно давно. Месяц, может два. Следы эксплуатации старые, ржавчина на петлях ворот характерная для влажного климата при отсутствии обслуживания.

— Или там сидят тихо и ждут.

— Или так, — согласилась она. — Подсказать варианты действий?

— Выкладывай.

— Первый: лобовая атака, — голос Евы приобрёл интонацию экскурсовода, который рассказывает о заведомо провальном маршруте. — Подходишь к воротам, стучишь, представляешься. Для этого у нас есть пистолет, обойма патронов, слабоумие и отвага.

— Отваги хоть отбавляй, а вот слабоумием я обделен. Второй?

— Второй: наблюдение. Сидим тут до темноты, смотрим, есть ли активность. Минус — теряем шесть часов.

— Столько времени у нас нет, — отрезал я. — Третий?

— Обход. Обогнуть периметр, зайти с тыла, осмотреть базу с другой стороны. Длиннее, безопаснее. И намного скучнее.

Я лежал в папоротниках и думал.

Мой внутренний сапёр уже всё подсчитал. Один Аватар, пистолет с полной обоймой, нож, моток проволоки. Ни брони, ни гранат, ни даже дымовых шашек. Если за стеной кто-то есть, любой огневой контакт закончится быстро и предсказуемо.

А другой мой внутренний голос просто сказал: «Сашка ждёт. Не трать время».

Геройство в лобовую это для некрологов. Вот там красиво пишут: «Пал смертью храбрых». А в рапортах, которые читают живые, пишут иначе: «Нарушил протокол, подставил личный состав, потери несоизмеримые».

Хотя как тут не тратить время если меня забросило хрен знает куда и этот мир полон опасностей. Приходится выкручиваться. Сашке нужен живой отец, а не испутившая дух тушка. Так что идем к своей цели — медленно и верно.

Я встал с земли, стараясь не колыхать папоротники. Решение было принято окончательно: когда-нибудь я сюда вернусь с нормальным оружием, подкреплением и пойму, кто его построил и зачем.

Но не сегодня.

Сегодня у меня другая цель.

Я развернулся и ушёл в джунгли, забирая широкую дугу влево. Обход периметра через густой подлесок, где меня не увидят со стены. Если там есть кому смотреть.

Осторожность не паранойя для военного. Осторожность — это когда ты дожил до пятидесяти пяти и можешь рассказать, почему.

Я двигался медленно. «Трактор» был не самой грациозной машиной для лесных прогулок. Каждый шаг ломал ветки, продавливал мягкую землю, раздвигал стебли с характерным хрустом.

В джунглях, где каждый звук что-то значит, я был как слон в посудной лавке. Только слон не вооружён и не ищет неприятности.

Дуга вокруг аванпоста заняла минут сорок. Я держал дистанцию в сотню метров, ориентируясь по навигационной метке, которую Ева повесила на мой интерфейс. Зелёная точка показывала центр базы. Красная линия обозначала безопасный радиус.

Ева молчала. Она умела молчать, когда было нужно. Эта её черта мне нравилась больше остальных.

Тыльная сторона аванпоста оказалась менее укреплённой, чем лицевая. Блоки тоньше. Колючки нет.

— Пусто, — сказала Ева. — На девяносто процентов.

— А десять?

— Десять оставляю на случай, если там кто-то умеет прятаться лучше, чем я умею искать. Я не всевидящее «око Саурана», Кучер. Мой спектр достаточно ограничен.

Мне понравился этот честный ответ, хоть это и программа.

Я обогнул аванпост полностью и вышел на прежний маршрут.

После аванпоста джунгли изменились. Деревья стали выше, стволы толще. Подлесок, наоборот, поредел. Меньше папоротников, больше мха, который покрывал землю сплошным ковром.

Идти стало легче. «Трактор» перестал ломать заросли и начал просто шагать. Широко, ровно, почти ритмично. Я даже поймал что-то вроде походного автопилота, когда ноги работают сами, а голова думает о своём.

Думал я о Сашке.

О том, каким он был в десять лет, когда я учил его вязать узлы. Он злился, что не получается, швырял верёвку, а потом садился и начинал заново. Упрямый. Весь в меня.

И о том, каким он стал в двадцать, когда сказал: «Не хочу, как ты. Не хочу воевать». И я кивнул, потому что именно этого и хотел для него. Чтобы он не стал как я.

А он всё равно оказался здесь. На другой планете в другом теле, которое не его, среди тварей, которые хотят его сожрать. Ирония судьбы, мать её.

— Кучер, — голос Евы вырвал меня из мыслей. — Ландшафт меняется. Впереди понижение рельефа.

— Вижу.

Действительно, земля пошла вниз. Плавно, почти незаметно. Мох стал гуще, насыщеннее. Под ногами хлопнуло.

— Влажность почвы повышенная, — отметила Ева. — Грунтовые воды близко к поверхности.

— Болото?

— Необязательно. Может быть подземный ручей. Или дренажная система, если поблизости есть инженерные сооружения.

Я обратил внимание на деревья. Их корни выпирали из земли, образуя причудливые арки и переплетения. Между ними скапливалась вода, и в ней что-то копошилось.

Но я не стал приглядываться. На этой планете любое «что-то копошится» могло оказаться чем-то, что кусается. Лучше обойти стороной. Главное правило — не тронь не укусит, если это не больше тебя.

Почва под ногами стала плотнее. Мох покрывал всё вокруг сплошным толстым настилом. Листья, ветки, какой-то органический мусор спрессовались в пружинящий ковёр, по которому «Трактор» шагал уверенно и мощно.

Слишком уверенно.

Я сделал ещё один шаг.

И земля под ногами перестала существовать. Ковёр из мха и листьев, казавшийся таким надёжным, оказался тонким настилом, накинутым поверх пустоты.

И упал.

Первые полсекунды мозг отказывался принимать реальность. Только что под ногами была земля. А теперь вокруг воздух, зелёные стены мелькают перед глазами, и гравитация тащит вниз с безразличной жестокостью падающего кирпича.

Тело среагировало раньше разума.

Сапёрские рефлексy, впечатанные в подкорку тридцатью годами службы, перехватили управление. Группировка. Руки к голове. Подбородок к груди. Ноги вместе.

Мешки за спиной не дали.

Двадцать кило на стропах дёрнули назад, разворачивая в воздухе. Вместо ног я приземлился на бок. Удар получился жёстким.

Мешки впечатались в поясницу, что-то внутри хрустнуло — надеюсь, содержимое, а не позвонок.

Я ощутил удар всем телом, от пяток до макушки, и на долю секунды потерял ориентацию. Свет, тьма, земля, небо. Всё смешалось.

Амортизаторы, встроенные в суставы, погасили часть энергии. Модифицированные кости выдержали. Я перекатился, скинул мешки со спины и вскочил на ноги.

Поскольку стоял на дне ямы.

Круглой, метров пять в диаметре, с отвесными стенами. Земля под ногами была утрамбованной, плотной, как асфальт. Стены тоже утрамбованы, срезаны ровно, будто ковшем экскаватора. Высота до края, сквозь который пробивался зелёный свет, составляла примерно метров пять.

Наверху была дыра, через которую я влетел сюда. Рваные края маскировочного настила свисали вниз, как лохмотья порванной занавески.

— Ой, — голос Евы прозвучал с интонацией человека, который наступил кому-то на ногу в автобусе. — Кажется, мы упали. Гравитация, бессердечная ты стерва.

Я проверил себя. Руки, ноги, шея, позвоночник. Всё двигалось и работало. Интерфейс показывал целостность оболочки на семидесяти двух процентах. Ушибы, ссадины, но ничего критичного.

— Спасибо за цитату, Шелдон, — сказал я, стряхивая с себя комья земли и обрывки мха. — А сканеры твои где были?

— Органический настил слишком плотный, — ответила Ева. Голос приобрёл оттенок профессионального оправдания. — Мои сенсоры работают в видимом и инфракрасном диапазоне. Слой спрессованной органики толщиной в тридцать сантиметров для них всё равно что бетонная стена.

— То есть любая куча листьев для тебя непроницаема?

— Не любая. Но эта была качественная. Кто-то очень постарался.

Кто-то!

Я посмотрел вверх. Потом вниз. Потом по сторонам.

Кто-то выкопал яму глубиной в пять метров, утрамбовал стены, замаскировал сверху и ушёл.

Или не ушёл.

Адреналин, который на секунду отступил после падения, вернулся. Я ощутил, как учащается пульс, как обостряется слух, как зрачки расширяются, впитывая каждую деталь.

Яма не была случайной. Не провал грунта и не карстовая воронка. Стены слишком ровные. Дно слишком плотное. Маскировка слишком тщательная.

Это ловушка.

Я простоял неподвижно целую минуту, вслушиваясь.

Ничего. Стрётот насекомых наверху. Шелест листьев. Далёкий крик какой-то птицы. Никаких шагов, голосов, щелчков оружия.

Если ловушка была активна, и если кто-то ждал, когда добыча провалится, то он не торопился подходить. Либо ловушка старая. Заброшенная.

Оптимист, блин. С чего ты взял, что забытая?

Я начал осмотр.

Медленно и систематически. Так, как учат сапёров: сетка, квадрат за квадратом, ничего не пропуская.

Сначала пол. Утрамбованная глина, плотная как камень. Следов нет, дождь давно их смыл. Но в одном месте я заметил углубление. Круглое, диаметром сантиметров тридцать, глубиной в пару. Как будто сюда регулярно упиралось что-то тяжёлое и круглое.

Опорная плита. Для чего? Для лебёдки? Для станины?

Потом стены. Я провёл ладонью по утрамбованной земле, чувствуя её текстуру кончиками пальцев. Гладкая, плотная. Корни деревьев не проросли внутрь, значит, стены чем-то обработаны. Глина или смола? Похоже на то. Что-то местное, о чём я понятия не имею.

И тут я увидел бойницы.

Узкие горизонтальные щели в стенах. Три штуки, расположенные на высоте полутора метров от пола, с равными интервалами. Каждая длиной сантиметров в двадцать, высотой в пять. Края обработаны, срезаны аккуратно, почти по линейке.

Я заглянул в одну. Темно.

— Бойницы, — сказал я вслух.

— Вижу, — отозвалась Ева. — Классическая конструкция для отстрела загнанной дичи.

— Не для отстрела. Для обездвиживания.

— Почему так решил?

Я провёл пальцем по краю щели. Нашупал неровность. Маленький бугорок на нижней кромке, покрытый ржавчиной.

— Крепление, — объяснил я. — Направляющая для инжектора. Сюда вставлялось пневматическое ружьё, закреплялось на штифте, и стрелок мог вести огонь, не высываясь. Транквилизатор. Дротик с дозой снотворного. Ты загоняешь добычу в яму, он падает, мечется. А ты спокойно стреляешь из укрытия, пока он не отключится.

— Ловушка для крупного зверя, — подытожила Ева.

— Именно. Вопрос в том, как они доставали добычу наверх.

— Лебёдка?

Я посмотрел вверх. Пять метров. Взрослый ютараптор весит тысячу двести кило. Трицепс, на которого тут могли охотиться, от двух тонн и выше.

— Тащить две тонны вертикально вверх по стволу, в джунглях, где каждый час может появиться что-то зубастое... — я покачал головой. — Нет. Слишком долго, шумно и риско-

ванно. Должен быть выход на уровне земли. Боковой проход, через который добычу можно вытащить волоком.

Ева помолчала секунду.

— Логично, — признала она. — И?

— И я его найду.

Я начал обход стен. Медленно ощупывал каждый сантиметр. Пальцы «Трактора» были толстыми, грубыми, созданными для тяжёлой работы, а не для ювелирной точности. Но чувствительность у них была отличная. Я ощущал каждую трещину, каждый перепад плотности, каждое изменение текстуры.

На третьей стене я нашёл контур. Еле заметный прямоугольник, врезанный в утрамбованную глину. Метр восемьдесят в высоту, метр двадцать в ширину. Заросший грязью, мхом и корнями. Невидимый для глаза, но осязаемый для пальцев.

— Есть, — сказал я.

— Дверь?

— Ворота. Или люк. Что-то с металлическим каркасом, вмурованным в стену.

Я расчистил контур. Сдирал грязь, выковыривал корни, соскребал мох. Работал руками, без инструментов. «Трактор» справлялся.

Под слоем наносов обнаружился металл. Потемневший, окислившийся, но крепкий. Стальная рама, врезанная в стену. В раме сидела плита, тоже стальная, с петлями на одной стороне.

Ворота открываются внутрь, в сторону... чего — непонятно. Но это определенно был выход.

— Замок? — спросила Ева.

Я прощупал край ворот. Там, где плита примыкала к раме, пальцы нашли выступ. Засов. Тяжёлый, грубый, из толстого прутка. Задвинут изнутри, со стороны того, что было за воротами.

— Заперто, — подтвердил я. — Засов с той стороны.

— Ну и отлично, — Ева вздохнула. — Замкнутое пространство, нет инструментов, дверь заперта снаружи. Как говорится «приехали».

Я не ответил.

Думал, как быть.

Засов с той стороны. Значит, через ворота можно попасть в помещение, которое находится с внешней стороны ямы. Засов задвигается из этого помещения. Логично, если это ловушка. Ты загоняешь зверя в яму, усыпляешь, потом открываешь ворота из безопасного места и вытаскиваешь добычу.

Засов. Прямой прут в пазах. Простейшая конструкция, надёжная и грубая.

Бойницы. Горизонтальные щели, которые проходят через стену насквозь, из ямы в помещение за воротами.

Я посмотрел на бойницу, расположенную ближе всего к воротам. Она была в полуметре от края двери. И проходила через ту же стену, в которой сидел засов.

Бойница. Щель. Двадцать сантиметров в длину, пять в высоту. Проходит насквозь. С той стороны, за стеной, находится засов.

Я полез в карман разгрузки.

Моток стальной проволоки, это первое, что я нашёл в моей новой жизни на этой гостеприимной планете после одежды.

— Ева, покажи мне конструкцию засова. Предположительную, на основе того, что мы знаем.

Перед глазами появилась простая схема.

Засов. Пруток, примерно два сантиметра в диаметре. Лежит в двух пазах, приваренных к раме. Свободный конец выступает за раму на пять или шесть сантиметров.

Чтобы открыть, нужно потянуть засов в сторону, вытащив его из второго паза. Конструкция предельно простая, но для двери на дне ямы — самая эффективная.

Я начал работать.

Отмотал метра полтора проволоки. Согнул конец в петлю, плотную, тугую, диаметром сантиметров в пять. Потом скрутил удлинитель. Жёсткий, негнувшийся стержень, который можно просунуть через щель и направить в нужную сторону.

Руки работали по памяти. Тридцать лет назад я делал такие петли из медной жилы, чтобы снимать растяжки на расстоянии. Принцип тот же. Просунуть, накинуть, потянуть.

Просто тогда на кону было «взорвётся или нет», а сейчас «откроется или нет». Масштаб последствий разный, суть одинаковая.

— Что ты делаешь? — спросила Ева.

— Отмычку.

— Из проволоки?

— Из того, что есть.

Я подошёл к бойнице рядом с воротами. Присел. Просунул проволочный стержень в щель.

Я ничего не видел по ту сторону, только чувствовал, как конец проволоки упирается во что-то, скользит, цепляется.

— Ева. Направление засова относительно бойницы.

— Левее на двадцать сантиметров. Ниже на десять.

Я скорректировал. Левее. Ниже. Проволока нащупала что-то твёрдое, цилиндрическое. Пруток.

— Есть контакт, — сказал я.

— Я ничего не вижу, — призналась Ева. — Работаешь вслепую.

— Привыкай. Саперы половину жизни работают вслепую.

Петлю нужно было накинуть на выступающий конец засова. Вслепую, через щель в стене, наощупь. Проволока скользила по прутку, соскальзывала, уходила в сторону.

Я закрыл глаза. Когда работаешь на ощупь, зрение только мешает. Мозг пытается увидеть то, что делают руки, и путается. Лучше отключить визуальный канал и сосредоточиться на тактильном.

Проволока коснулась прутка. Скользнула вдоль него. Нашла торец. Свободный край, выступающий из паза.

Я повернул кисть. Петля обогнула торец, зацепилась за него, и я ощутил характерное сопротивление, когда проволока легла в замок.

Есть!

Потянул.

Но почувствовал сопротивление. Засов не двигался. Ржавчина, грязь, время — всё работало против меня.

Потянул сильнее.

Мышцы «Трактора» напряглись. Я ощутил, как проволока врежется в пальцы и натягивается. Немного вибрирует от напряжения.

Давай, сволочь. Давай!

Металл скрежетал по металлу. Тихо, как будто засов не хотел двигаться, но не мог сопротивляться.

Ещё раз. Сильнее.

Щелчок! Засов вышел из паза.

— Кучер, — голос Евы прозвучал с непривычной интонацией. — Ты это сделал!

— Конечно сделал, — я выдернул проволоку из бойницы. — Я сапёр. Мы открываем всё, что закрыто. И закрываем всё, что открыто. Иногда навсегда.

Я подошёл к воротам. Упёрся ладонями в холодный металл. Толкнул вовнутрь.

Створка подалась со скрипом. Ржавые петли простонали, как раненый зверь и за ней открылся проход. Узкий, низкий, вырубленный в породе.

Тут была сплошная темнота.

Я постоял на пороге. Вглядывался в черноту коридора, вслушивался в тишину, принюхивался. Сапёрская триада: смотри, слушай, нюхай. Потом думай и действуй.

— Ева, подсветка.

Интерфейс переключился на ночное видение. Мир стал зеленоватым, зернистым. Коридор уходил вперёд метров на десять, потом поворачивал вправо. Стены вырублены в глине, укреплены деревянными стойками. Потолок низкий, я задевал его макушкой.

— Температура внутри на шесть градусов ниже, чем снаружи, — доложила Ева. — Влажность выше. Воздух застоявшийся, но пригодный для дыхания. Движения не фиксирую.

— Звуки?

— Тишина. Абсолютная.

Я шагнул внутрь.

Пистолет в правой руке. Проволока в левом кармане. Нож на бедре.

Тридцать лет я входил в тёмные помещения, не зная, что меня там ждёт. Растяжка, фугас, человек с автоматом, обрушенный потолок. Каждый раз мозг прокручивал одну и ту же мысль: «Это может быть последний порог, который ты переступаешь».

И каждый раз я переступал.

Привычка.

Коридор вывел в настоящий тоннель. Бетонный, широкий, с полукруглым сводом и ровным полом, по которому могла проехать грузовая тележка.

Я остановился на пороге, ощупывая стену. Пальцы «Трактора» нашли шершавый бетон, холодный и влажный. Заливка грубая, но добротная. Армирование, судя по проступающим из стены прутам в одном месте, стальное. Кто-то вложилась серьёзно.

Под ногами блеснули рельсы. Узкоколейка, утопленная в пол вровень с бетоном. Два стальных полоза, покрытых ржавчиной, уходили вглубь тоннеля и терялись в темноте.

— Ева, подсветка на максимум.

Ночное зрение вытянуло детали. Тоннель шёл прямо метров тридцать, потом плавно поворачивал влево. Высота свода позволяла мне идти в полный рост, хотя макушка «Трактора» почти касалась бетона. Ширина — метра три. Достаточно, чтобы протащить усыпленного зверя на платформе.

Воздух здесь был другой. Тяжёлый.

Я пошёл вперёд, держась правой стены. Пистолет в руке, палец вдоль спусковой скобы. Шаги гулко отдавались от свода.

— Значит, тоннель ведёт прямо в базу? — спросила Ева.

— Ага. Схема классическая. Загнали зверя в яму, насыпали транквилизатором через бойницы, открыли шлюз, погрузили на тележку и покатали по рельсам напрямик в цех. Дёшево, скрытно, эффективно.

— Подземная логистика, — Ева усвоила мысль моментально. — Спутники не фиксируют перемещение грузов. Аэроразведка бесполезна. Со стороны выглядит как обычный аванпост, а под землёй...

— А под землёй полноценное производство.

Я провёл ладонью по стене. Бетон был старый, потемневший от влаги. Местами проступали высолы, белые кристаллические разводы. Лет пять этой заливке, может больше.

— На Земле такие штуки ставили ещё давно, — сказал я. — Подпольные цеха по переработке. Украл сырьё, перегнал в подвале, продал налево. Только там варили спирт и палёную водку, а здесь похоже потрошат динозавров.

— Романтика свободного предпринимательства, — заметила Ева.

— Романтика тюремного срока. Если поймают.

— А если не поймают?

— Тогда просто романтика.

Тоннель свернул влево, как я и ожидал. За поворотом обнаружилась ниша в стене с ржавым щитком электропитания. Автоматы выбиты, провода обрезаны. Кто-то отключил электричество сознательно, перед уходом.

Дальше тоннель расширился. Рельсы разветвлялись: основная колея шла прямо, боковая уходила вправо, в тёмный проём, закрытый металлической шторой. Штора была опущена до пола и заперта на висячий замок. Новый, блестящий замок на ржавой шторе. Интересная комбинация.

Я пошёл по основной колее.

Через двадцать метров тоннель упёрся в массивные двустворчатые ворота. Металлические, с резиновым уплотнителем по периметру. Шлюз. Герметичный, если уплотнитель цел. Одна створка была приоткрыта сантиметров на сорок.

Из щели тянуло. Запах ударил в нос и заставил «Трактор» инстинктивно отшатнуться. Химия, гниль и что-то тошнотворное, от чего свело желудок.

— Красиво пахнет, — сказал я.

— Фенолы, формальдегид, аммиак, — перечислила Ева. — И продукты разложения органики. Концентрация высокая. Фильтры Аватара компенсируют, но рекомендую дышать ртом.

— Спасибо за совет.

Я протиснулся в щель.

Там снова было темно.

Я стоял на пороге большого помещения и видел только то, что вытягивало ночное зрение. Зернистые контуры, размытые силуэты, зеленоватые тени. Высокий потолок, квадратов двести площади, может больше. Столы, стеллажи, какие-то ёмкости.

И вонь, которая забивала рецепторы и оседала на языке маслянистой плёнкой.

Я провёл рукой по стене у входа. Нащупал крепление. Кронштейн, на нём что-то цилиндрическое. Снял, покрутил в руках. Фонарь. Tактический, компактный, армейского образца. Щёлкнул кнопкой. Ничего. Щёлкнул ещё раз, потрянул.

Луч ударил по глазам, и я зажмурился, пережидая адаптацию. Ночное зрение отключилось автоматически.

Открыл глаза.

Лучше бы не открывал.

Фонарь выхватывал картину кусками, как прожектор на сцене театра ужасов. Я медленно вёл луч слева направо, и каждый новый фрагмент добавлял деталей к общей мозаике.

Длинные, стальные столы на болтовых ножках. Шесть штук в два ряда. Поверхность покрыта бурыми разводами, въевшимися в металл так глубоко, что никакой щёткой не отмоешь. Кровь. Старая, спёкшаяся, слоями.

На ближайшем столе лежали инструменты. Пилы, зажимы, разделочные крюки. Всё заляпанное и тусклое от засохшей органики. Рядом стоял пластиковый таз с чем-то тёмным и склизким. Я не стал наклоняться, чтобы рассмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.